

Николь Галанина

*Неудержимые
демоны, или
История
женской войны*

Книга вторая

Николь Галанина

**Неудержимые демоны,
или История женской
войны. Книга вторая**

«Издательские решения»

Галанина Н.

Неудержимые демоны, или История женской войны. Книга вторая
/ Н. Галанина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901623-2

Марта возвращается в Кеблоно, но уже в новом статусе: она жена начальника войск внутреннего охранения Кеблоно, и никто из её друзей даже не подозревает, что она не предала свои идеалы и по-прежнему борется за свободу. Бирр Кавер и незаконный принц Авалории, полукровка Ареллаган, каждый строят свои планы отмщения, и склонить их на свою сторону Марте будет очень непросто...

ISBN 978-5-44-901623-2

© Галанина Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть третья. Справедливость просыпается	6
Разговоры по делу	6
Адресат и отправитель	14
А тем временем в Империи...	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Неудержимые демоны, или История женской войны Книга вторая

Николь Галанина

© Николь Галанина, 2017

ISBN 978-5-4490-1623-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть третья. Справедливость просыпается

Разговоры по делу

Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблоно, логово революционеров. 2 Фурутуру 3041 года по летоисчислению Авалории.

Марта стремительно петляла по тёмным узким улочкам, сворачивая то налево, то направо. Она шла с уверенностью человека, отлично изучившего свою привычную среду обитания, и Виллимони стоило больших трудов не отставать от неё, благо что он тащил под уздцы ещё и упрямого коня. Он знал: если он потеряет Марту из виду, то не отыщет её уже никогда.

Шагая во тьме старых затхлых улочек, Виллимони уже начинал сомневаться: а правильно ли он поступил, бездумно согласившись встретиться с революционерами? Он самостоятельно поставил себя в нелепейшее положение; ведь нет никого глупее начальника войск внутреннего охранения, послушно бредущего следом за бунтовщицей к предводителю восставших. Ноули задумывался: интересно, а как же поступит Бирр Кавер, заведя у себя на пороге не только старинную подругу, но и ненавистного соперника? Собрав воедино кучу сведений, полученных от Марты, и прибавив к ним собственные наблюдения, Виллимони сделал неожиданный вывод: вряд ли Бирр постарается убить его, это будет крайне невыгодно для Союза. Пока начальник войск внутреннего охранения поддерживает тёплые отношения с бандой бунтовщиков, тем нечего бояться. И вот тут Ноули сделалось по-настоящему страшно. Смерть никогда не пугала его, но то же самое нельзя было сказать об огромной вероятности превратиться в покорное слепое орудие революционеров. Может, ему не стоило обращать внимания на глупую пьяную болтовню Сиара и Страниуна. Ведь всем же известно, что Сиар терпеть не может Его Превосходительство и готов с радостью очернить его честь!

Нет, поступить так значило выставить себя круглым идиотом. Он никогда не поджимал трусливо хвост в трёх шагах от намеченной цели, не сворачивал с избранного пути; он умел противостоять своим страхам и идти наперекор им.

Но сегодня ему предстояло выдержать нечто более серьёзное, нежели переглядки со Смертью.

В молчании они пробирались заброшенными безлюдными переходами куда-то в тёмные недра городских трущоб, и только слышался шелест их осторожных шагов да перестук копыт Урагана.

Вдруг Марта остановилась, причём настолько неожиданно, что Ноули не успел затормозить и потому наткнулся на неё. Она обернулась, и, приложив палец к губам, шепнула:

– Ни звука. Стой здесь.

И метнулась куда-то в непроглядную темноту тупика. Виллимони и Ураган терпеливо ожидали её возвращения, тая горячую надежду, что она всё-таки вернётся и выведет их отсюда. Если бы Марте вдруг пришла в голову мстительная идея бросить навязанного ей мужа и лошадь тут, она не нашла бы лучшего способа выразить свою неприязнь к ним обоим. Те краткие несколько минут, что она бродила во мраке в гордом кеблонском одиночестве, показались Ноули часами. Какие только тревожные мысли не успели наводнить его голову! Наконец, не выдержав столь долгого ожидания, он даже решился шагнуть в неизвестность за нею, но тут сбоку послышалось какое-то едва заметное движение. Колыхнулся застоявшийся воздух, раздался оглушительный удар, посыпались светящиеся искры – и фигура Марты осветилась пламенем зажжённого факела. Подрагивающий желтоватый кружок света упал к её ногам, и только тут Ноули понял, *куда* она его завела.

– Это... это, что, *канализация?! – с отвращением прошипел он, отступая от вонючей тёмно-жёлтой речки назад.*

Марта взглянула на супруга с насмешкой и даже намёком на порицание. Пожав плечами, она пнула оказавшийся под ногой камушек, и тот со всплеском исчез в неизведанных глубинах канализационных стоков. Голос её, отражаясь под крепкими сводами, звучал глубже и громче, сильнее: казалось, будто здесь говорит не одна, а десять Сауновски.

– Ну да, это ка – на – ли – за – ци – я, – по слогам выговорила она. – Сам подумай, Ноули, где же ещё остаётся прятаться несчастным защитникам Республики, если к ним даже на штаб-квартиру уже заявляется купленный Фолди Сиар? Знаешь, если бы эта макака – я имею в виду Кровожадного, – работал на тебя, я не испугалась бы. Но с Фолди нужно быть настороже... Канализация – единственное место, где можно чувствовать себя в безопасности. Пошли.

– И кто, чёрт возьми, только додумался спрятаться здесь?! – взвыл Виллимони, с явной неохотой ступая следом за нею по размываемому помойной рекой жёлтому бережку шириной не более пятнадцати сантиметров.

Чтобы не свалиться в мутную жижу и не наделать лишнего шума, им приходилось прижиматься спиной к мокрой, склизкой, холодной стене и хвататься друг за друга, дабы удержать равновесие. Ураган, конечно, не смог бы пройти тут беззвучно, поэтому Марта вынесла безжалостный вердикт:

– Он не пойдёт с нами.

«*Как же мне хотелось бы оказаться на твоём месте, старина*», – с сожалением и даже некоторой завистью подумал Виллимони, глядя, как Марта торопливо возвращается назад, хватая коня за узды и привязывает к низко расположенной, грязной и противно смердящей скобе потухшего факела.

Внешний вид канализации свидетельствовал о том, что её не чистили уже давным-давно... Путешествие по вверенному ему городу под предводительством благожелательно настроенной местной жительницы (он считал Сауновски благожелательной, хотя она не раз выражала свирепое желание оторвать головы всем имперцам, и ему в том числе!) открывало глаза на многочисленные упущения, на халатность руководства по отношению к собственным обязанностям. Высокое положение защищало Виллимони от неприглядной прозы жизни: если бы рядом с ним по воле Магии оказалась обыкновенная дочь «мульника», он никогда не узнал бы, что в трущобах половины домов не существует как таковых, что в кварталах, занимаемых средним классом, никак не начнёт реализовываться проект по восстановлению разрушенных бомбёжками домов; что чистильщики канализаций забросили свою работу... За последние несколько дней Марта показала ему реалии городской жизни и доказала, что Дорап Гевала абсолютное ничтожество как градоначальник; и как человек, кажется, тоже. Одним Ноули мог гордиться: в его сфере деятельности царил образцовый порядок...

Но действительно ли правдой является то, что демонстративно организованным военным шагом проходит у него перед носом ежедневно? Виллимони задумчиво покусал губу, сознавая, что вряд ли и он хорошо исполняет свои обязанности. Ведь не далее, как час назад, у него на глазах Сиар Гевала, его заместитель, и генерал Мираэль Страниун, пьяные, точно последние простолодины, шатались меж мусорных баков, мечтали о развлечениях в кабаках и поносили своего начальника! Он слишком многого не знал... и не узнал бы никогда, не окажись рядом Марта, подтвердившая его неуверенные подозрения. Неожиданно он ощутил по отношению к ней горячую дружескую признательность; ему даже захотелось окликнуть её, но он сумел вовремя удержаться. Марта шла впереди с сосредоточенным видом; кажется, эти переходы тоже не были ей хорошо известны, и отвлекать её не стоило.

Извилистые канализационные туннели тянулись куда-то в чёрную неизвестность; мимо проплывали заржавевшие лестницы, ведущие на поверхность, русло помойной реки становилось шире, запах его делался хуже, а Марта шла, не останавливаясь. Шаг её был быстрым и сво-

бодным, поскольку теперь жёлтый бережок расширился, и по нему не приходилось красться, прижимаясь спиной к стене. Пламя факела в своём прихотливом танце озаряло её голову таинственным светлым нимбом, стремительно уменьшавшимся в размерах. Виллимони начинал тревожно поглядывать на огонь: если тот потухнет до того, как Марта набредёт на укрытие революционеров, то им придётся отыскивать путь интуитивно, доверяясь изменчивой темноте.

Неожиданно взбредшая в голову мысль заставила его задержать Марту. Она немедленно обернулась (пламя факела недовольно зашипело, поворачиваясь вокруг оси за нею следом) и быстро взглянула на него:

– Что случилось?

– Откуда ты знаешь, где именно прячутся твои дружки-бунтовщики? – таинственным шёпотом поинтересовался Виллимони.

Марта отступила на шаг и отвела глаза в сторону.

– Бирр обронил некую странную фразу, когда мы встречались с ним в последний раз, – лаконично бросила она, – я включила интуицию, разум и догадалась, что это был их нынешний адрес.

Явно не намереваясь тратить и далее лишние слова – к этому не располагало стремительно съёживающееся дрожащее пламя факела, – она опять развернулась и целеустремлённо зашагала дальше размашистым, совсем не женским шагом. Но такой шаг вполне подходил её характеру. Её любовь к родному городу была столь сильна, что граничила с безумным фанатизмом; её упорство нередко переливалось в непрошибаемость, чувство долга обращалось в одержимость. Только чувство человечности, жалости, порядочности удерживало её от пропасти. И ему так хотелось, чтобы она оставалась такой, какой была! Ему так хотелось видеть рядом с собой живой пример *хорошего человека*, не развращённого и не огрубевшего под колоссальным давлением окружающего мира. Ему приходилось встречать самых разных представителей общества: законченных скряг, плутов, мошенников, воров и убийц; попадались и такие, один взгляд которых заставлял леденеть от страха. Он видел почти всех тех, на ком стояла и держалась великая Империя на протяжении более чем девяти столетий, и этих людей было неисчислимое множество, а Марта Сауновски существовала в природе одна. И Ноули отчаянно не хотелось терять её – единственную, кроме Байны, кто не предал бы его, как плохо ему ни пришлось бы.

Перед Мартой и Виллимони неожиданно возникла занавешенная густой темнотой ниша – в ней, судя по всему, скрывались приятели Марты. Она снова повернулась, приложила холодный палец к его губам, и, тихо ступая, подошла к чёрному зёву укрытия, более всего похожему на разинутую пасть некоего чудовища. Решительным движением она воткнула факел в пустую скобу, наклонилась, заглянула в глубины таинственной ниши и позвала сорванным голосом:

– Кавер? Бирр Кавер?

Молчание служило ей гробовым ответом. Бирр не произносил ни слова в ответ, хотя всем было ясно, что сейчас он прячется у себя в укрытии, прекрасно слышит Марту, но по каким-то причинам не отвечает. Это поведение граничило с хамством и начинало уже злить Виллимони. Окажись он на месте Марты, он безо всяких разрешений и приглашений вошёл бы в эту нишу и потребовал бы у Бирра объяснений его наглой выходке. Но Марта всем своим видом показывала, что главной в разговоре с революционерами будет она, ей не нужна никакая помощь, в особенности же – помощь треклятого имперца. Пойти против её решений нельзя; она поступала правильно. Сначала революционеры должны были убедиться, что заявившаяся к ним парочка – не шпионы Фолди и не агенты тайной полиции, а ищущие защиты от враждебного мира люди, которым больше не у кого попросить помощи.

Но тут его размышления прервал исполненный досады возглас Марты. Звучно шлёпнув себя ладонью по лбу, она провозгласила хриплым голосом:

– Как же я раньше не догадалась?! Слава революции! Революция в канализациях, виват!

И, словно в ответ на этот агрессивный лозунг, из чёрного зёва ниши высунулась встрёпанная массивная голова Бирра Кавера. Подозрительно стрельнув в сторону Марты настороженным взглядом, он скосил влево один глаз и тут же заметил Виллимони. В зрачках Бирра вспыхнуло, как напоминание о его нечистокровном происхождении, звериная жёлтая искра – верный признак ярости.

– Что ты творишь? – прорычал сквозь зубы Бирр, гневно глядя на Марту. – Ты притащила сюда Виллимони для того, чтобы нас всех убили, чтобы никакого переворота не произошло никогда?

Марта отшатнулась в испуге: она никогда не видела Бирра таким злобным, как сейчас. В её памяти он остался живым воплощением спокойствия; она и не думала, что он может перемениться – так...

Виллимони дерзко хмыкнул, уничижительно глядя на Бирра:

– Собираешься убить нас? Зря стараешься, друг гибрид. Однажды ты уже пытался отправить меня во Второе Измерение, но, как видишь, я до сих пор жив и здоров, а вот ты сидишь в вонючей канализации.

– Империя умела забираться на шею к покоренным, – фыркнул Бирр, – и это вовсе не повод для гордости!

Марта искоса глянула на Бирра, затем на Ноули. Судя по их озлобленному виду, они готовы были кинуться в схватку, и тогда уже их ничто не сумело бы оттащить друг от друга, пока кто-нибудь не испустил бы дух. А допускать этот кровавый финал она отнюдь не была намерена. Поскольку ни один из её знакомых не собирался заключать мир, примерить на себя непривычную роль успокоителя пришлось именно ей – и как можно скорее. Марта прыгнула между двумя соперниками, повернувшись лицом к Бирру, и холодно потребовала:

– Прекратите свою бессмысленную грызню; это ни к чему нас не приведёт! Бирр, я сотню раз повторила тебе, что для меня главное – дело революции, а Ноули... Ноули некуда деваться, против него восстал весь Кеблоно, и спасение для него может найтись только у нас.

– Исключительно через мой труп, – безапелляционно заявил Бирр, скрещивая массивные мускулистые руки на груди. – Чёрта с два этот сопливый слизняк, – (Виллимони яростно фыркнул), – попадёт в Союз только потому, что его компания продала его Фолди.

– Успокойся, – велела Марта, – у нас с Ноули заключен договор...

– ...брачный, – нахмурившись, вставил Бирр, – об этом я хорошо знаю, я читаю газеты, так что можешь меня не просвещать.

– Нет, сначала позволь мне договорить, иначе нам придётся торчать тут до ночи, пока ты не выпустишь весь пар, – возразила Марта. – Итак, мы с Ноули договорились, что я помогу ему выжить, ведь он спас меня у Арочных Ворот в годовщину парада.

– Что?! – черты лица Бирра, едва замершие, снова задвигались в гневном беспокойстве. – Так вот где ты была тогда? Ты лгала мне ещё с тех пор, Марта! Как я теперь могу тебе поверить?

– Признаюсь, тогда я лгала, – она покаянно повесила голову, – но у меня не было выхода. Я пообещала Ноули, что никому и никогда не расскажу о своей первой встрече с ним... Все газетные статьи насчёт нашей свадьбы – это ложь и надувательство.

– Марта, – в голосе Бирра зазвучал укор, – ты могла бы сказать мне раньше; я поверил бы и понял бы тебя. Мы дружим с раннего детства, мы, можно сказать, примёрзли друг к другу, а ты никак не научишься доверять мне. Ты придумала столько несуществующих врагов, что за их теньями не видишь даже старинных друзей!

– Но я же извинилась, Кавер, сотню раз извинилась! – неожиданно вспыхнула Марта. – Думаешь, мне понравилось ломать комедию перед Королевой и придворным штатом? А перед «высшим светом», этими мультиками и имперскими аристократами? – прерывисто вздохнув, она резко провела ладонью по лицу. – Я даже не представляю, как я выжила бы, если бы Виллимони не понял, наконец, с какими пронырливыми тварями он ежедневно имеет дело.

– Ладно, ладно, будем считать, ты сумела разжалобить моё каменное сердце, – улыбнулся ей Бирр, – я прощаю тебя и соглашаюсь даже некоторое время терпеть Виллимони. Я сумею реабилитировать тебя перед Союзом, Марта, будь спокойна. Нет такой вещи, которую я ради тебя и нашей дружбы не сделал бы...

– Значит, мир, – радостно вздохнув, Марта уткнулась носом в плечо друга.

Пока революционеры обнимались в знак восстановленных тёплых отношений, Виллимони в порыве какой-то малопонятной ему завистливой ревности скрипел зубами в сторонке. Только сейчас он понял, насколько же он далёк от собственной супруги, навязанной ему общественным давлением и незаурядной личностной глупостью. Гибрид-революционер, выходец из нищенствующей семьи, значил для Марты куда более, нежели он, Ноули Виллимони, блестящий любимец всех необъятных просторов Империи, образованный потомок аристократического рода! Что за несправедливость? Или у неё нет глаз, если она не может отличить лучшего от худшего?! Да и вообще, с какой это стати он вдруг начал видеть перед собой другую Сауновски, выбросив из головы куда более важные мысли? Его не должна была волновать противоестественно крепкая дружба Марты и Бирра – пусть хоть влюбятся друг в друга, – главное, они обязаны были указать ему путь выхода из создавшегося трудного положения. Думать о том, что платой за подобного рода услугу Бирр наверняка назначит членство в Союзе, Ноули вовсе не хотелось. Стать одним из бунтовщиков значило отречься от Их Величеств – а Их Величества, пожалуй, были единственными в Империи, кто ещё ни разу не предал его.

Когда Марта и Бирр, наконец, отошли друг от друга на приличное расстояние, Ноули вздохнул с явственным облегчением: почему-то перенести это неприглядное зрелище ему оказалось чрезвычайно трудно.

– Ну, что, – ухмыльнувшись ухмылкой того, кто отлично сознаёт собственную силу и ничтожество противника, хмыкнул Бирр, – заходите в мою пещеру. Тебя, имперец, это тоже касается. Можешь благодарить Марту за то, что она во второй раз спасла твою жалкую жизнь.

– Или у тебя не хватило смелости на неё посягнуть, – парировал Ноули, прожигая Бирра насквозь презрительным взглядом.

– О, Магия Великая! – взвыла Марта и схватилась за голову. – Да прекратите ли вы хоть когда-нибудь ссориться друг с другом? Неужели вы настолько бестолковые и упрямые, что никак не желаете понять: раз враг у нас общий, бороться с ним надо сообща?

– Что?! – зашипел Виллимони. – Ты сказала: «у нас»? Извини, но я не зачислял и никогда не зачислю себя в вашу компанию! Мне прекрасно известно, какими способами вы намерены «бороться»! Устроить взрыв, поджог, ограбить видного чиновника, заколоть за углом знатного офицера... Ваши действия направлены не на то, чтобы улучшить своё положение, а на то, чтобы доставить как можно больше неприятностей Короне!

– Ну, все начинают с подобных мелких пакостей, – Бирр рассудительно пожал плечами. – Или ты станешь оспаривать мои слова, Виллимони? Может, прежде, чем сделаться начальником войск внутреннего охранения, ты не был офицером, а до того – солдатом? Хотя, конечно, я не спорю, богатые семьи могут и купить нужный им чин; к чему благородным дворянчикам спать в грязных казармах?

– Бирр! – одёрнула его Марта. – Если мы пришли сюда по важному делу, ни к чему переходить на личности!

– Я всего лишь доступно объясняю Виллимони, почему мы занимаемся мелким вредительством вместо того, чтобы перейти на крупное и убить его самого, Фолди и Короля с Королевой.

– А чем же вам не угодили Их Величества? – не сдержался Виллимони. – Или ваша организация возомнила себя настолько могущественной, что решила установить республику по всей Авалории?

– Ты прав, – спокойно согласился Бирр, – но лишь отчасти. Да, Их Величества причинили Кеблоно много зла, но не это склоняет меня к их убийству. Заглянув в прошлое нашего города, я выяснил одну крайне любопытную вещь: мы уже получали независимость на довольно-таки долгое время. Но мы её не сохранили, а почему? Потому, что Королю и Королеве невыгодно иметь в составе своей Империи одну автономную республику, ведь в этом случае Кеблоно приносит в казну треть от того налога, который он платил бы, являясь зависимым. Да, возможно, мы добьёмся возвращения старых законов и мирным путём, но только кто сумеет предугадать, сколь долго продлится наше блаженство? Двадцать, тридцать лет? Или даже менее того? Короне опять надоест получать от нас меньше денег, но выполнять по отношению к нам не уменьшившиеся в размерах обязанности. Нам выдвинут ультиматум, как два года назад. Мы ответим отказом – начнётся война. У Империи армия больше и оружие совершеннее, без призыва иностранных наёмников мы не выстоим. Тут, опять же, у нас есть два выхода: либо привести в свой родной город чужестранцев, которые станут немилосердно грабить и объедать нас, как это делали бы имперцы, либо остаться в одиночестве и пасть опять! Этот цикл будет повторяться снова и снова, до тех пор, пока не случится одно из двух: либо угаснет монархия, либо мы покоримся. Сам понимаешь, Виллимони, моя гордость не позволяет мне согласиться со вторым вариантом. Возникает вопрос: к чему ждать так долго и лить столько крови? Если мы установим свою власть по всей Империи, даруем населению гражданские права и свободы, о которых сами мечтали так долго, нам никто не будет противостоять. Государство успокоится, наконец! Разве ты этого не хочешь?!

Виллимони задумчиво покусал губу: рассуждения Бирра в какой-то мере были разумными и справедливыми, но только одно не укладывалось у него в голове – требование свергнуть монархию...

– Если ты выступишь против королевской власти, кто тебя поддержит? – тихо спросил он у Бирра. – Ведь ты будешь так же одинок, как и прежде.

– Федлис, неварские кочевники... мало ли? – Бирр опять пожал плечами. – Неужели ты настолько глуп, Виллимони, что считаешь, будто у нас не найдётся последователей? Всё зависит от того, в каком положении окажемся мы. Вряд ли неварцы и Федлис кинутся помогать нам, если Империя обложит нас со всех сторон; а другие города и провинции и подавно не шевельнутся. А если мы пойдём на Столицу? Неварцы с воплями кинутся за нами, Федлис, Буонко, Найт воспрянут духом. Они услышат наши требования, согласятся с ними и решат, что желают получить то же самое. Кто тогда удержится от желания идти следом? Разве что Аккаранайдо, Столица и некоторые другие, но их слишком мало.

– Ты – идеалист, как и все твои друзья, – со вздохом заключил Ноули. – Как вы сумеете управлять целой Империей, если вы даже собственный город не привели в порядок в эпоху республики?

Потомок гибрида, сдержанный, как и его достославные предки по отцовской линии, не шевельнул ни одной мышцей, черты его грубого, словно вытесанного из камня, лица не дрогнули, однако Виллимони был уверен, что внутренне его собеседник готов взорваться от ярости. Выслушивать даже справедливую критику по отношению к своему городу не мог никто из всех коренных кеблонцев, которых он знал. Патриотизм у этого народа служил ему одновременно и сильным, и слабым местами. Слегка наклонив голову, Бирр со вздохом согласился:

– Да, мы не сумели воспользоваться теми неожиданными милостями, которые свалились нам на голову. Мы думали, Империя не пойдёт против своих сограждан. Мы думали, независимость останется с нами навсегда... Теперь я не повторяю прошлых ошибок. Я уже знаю, как станет функционировать новый государственный аппарат в наше правление.

– Время которого ещё не настало, – поспешил остудить его пыл Виллимони.

– Но обязательно настанет! – восторженно запылали глаза у Марты.

Мечтательно вздохнув, она вцепилась мужу в руку так, что её ногти, прошив рукав маскировочного плаща и мундира, больно оцарапали ему застарелые шрамы. Да, вот куда его завела собственная глупость и неосторожная доверчивость: в лапы непредсказуемой революционно настроенной кеблонки; затем – в вонючую старую канализацию, где он сейчас и застыл, будто бы статуя, в окружении двух законченных бунтовщиков. Он и сам не понимал, как ему избавиться от навязываемого ему предательства. Марта и Бирр уже учуяли запах бегущей добычи, они вонзили в него свои цепкие когти и не ослабили бы хватку, пока он не дал бы удовлетворяющий их ответ.

Видимо, обуревавшие его чувства слишком отчётливо отразились у него на лице, поскольку закадычные друзья, обменявшись лукавыми горящими взглядами, вдруг весело засмеялись. Виллимони оскорблённо вздёрнул бровь; кеблонцы засмеялись ещё громче.

– Не волнуйся, имперец, – сквозь хохот выдавил Бирр, – ты абсолютно не нужен нам как революционер. Молчи только – и на том тебе спасибо! Думаешь, мне так сильно хочется ежедневно видеть твою спесивую физиономию?

– По крайней мере, у тебя существовала бы тогда возможность без риска узнавать о том, что происходит в лагере твоих врагов, – нахально вздёрнув подбородок, ответил Виллимони.

Бирр засмеялся ещё громче, и густое басистое эхо, рокоча, будто падающие с гор камни, прокатилось из одного конца канализации в другой. Очевидно, эти слова не разозлили его, а, наоборот, развеселили ещё больше. Бирр и Марта определённо изменились с тех пор, как Ноули мог предугадывать их реакцию... Теперь они казались непрошибаемыми, как горы; в ответ на одно оскорбление они выдавали двадцать. Только одно чувство время не отобрало и никогда не сумеет у них отобрать – чувства любви к родному городу.

Смех Бирра замер, наконец, глубоко под землёй, и вновь воцарилась канализационная тишина, нарушаемая исключительно мерным журчанием стекающих по трубам нечистот. Фыркнув сквозь зубы, гибрид заявил:

– Да зачем ты просишься к нам в шпионы, когда мы и без тебя знаем о каждом шаге твоих друзей! Кто, если не ты, твердил, что никогда не предашь своих повелителей?

– Их Величествам будет лучше, если несправедливости в городе исчезнут, – вздохнул Ноули, опустив голову. – Вы, между прочим, должны были бы поддержать меня, если вы действительно желаете Кеблоно добра. Империю невозможно победить, это знают все.

– Хватит умничать, – оборвал его Бирр, – твоя хваленая Империя уже давно побеждает огромной армией, а не талантливими решениями полководцев. Легко же задавить червячка, навалив на него груды камней!

– Какая разница, каким образом Империя победит этого червячка, под которым ты, конечно же, подразумеваешь Кеблоно? – фыркнул Виллимони. – Поймите же, ваши мечты неосуществимы. Что вам стоит вернуться к нормальной жизни? Мы не так плохи, как вы думаете; на нас тоже нельзя вешать ярлыки.

– И на нас нельзя, однако этим занимаются все, кто ещё не обленился окончательно, – агрессивно выгнув шею, буркнула Марта. – Мы не причиняли вам зла, мы жили спокойно, мирно, добросовестно платили налоги в казну, однако вам всего было мало...

Синхронно вздохнув, друзья-кеблонцы одновременно плюхнулись на землю, устремив тоскующие взгляды куда-то в неопределённые далёкие дали. Чуть подумав, Виллимони сел рядом с ними; уже предчувствуя, что совсем скоро эта парочка заговорит опять. И, как следовало ожидать, он не ошибся.

Первым слово взял Бирр Кавер. Задумчиво покрутив в пальцах какой-то крошечный камушек, гибрид запустил его в проржавевшую насквозь трубу. Стук – стук – стук – плюх: это снаряд, отскочив несколько раз от железа, а затем – от склизких стен, канул в глубины мерно текущих по своим руслам нечистот. Бирр промолвил с горькой усмешкой:

– Подумать только – в нынешние времена честное создание выгоняют в шею даже из его родного города. Империя слишком сильно изменилась, пока мы жили сами по себе. Ты, Ноули Виллимони, можешь призывать нас примириться с твоими обычаями, но мы никогда не согласимся, а ты никогда нас не поймёшь. Нужно родиться и жить в Кеблоно, чтобы научиться думать и чувствовать, как мы. Свобода и независимость очень много для нас значат; но не меньше для нас значит и честь. Наверное, у вас это слово уже почти все позабыли...

– У вас также, – хмыкнул Виллимони, – вспомни своих дружков-палачей: Вениса и Веста.

– Не задевай чести покойников! – прорычал Бирр сквозь зубы. – Они погибли, защищая свою Родину! Их последние минуты были полнее смыслом, чем вся твоя жалкая жизнь, которую ты проводишь у подножия трона Короля и Королевы!

– Честь Короны – честь имперской армии! – в запале выкрикнул Виллимони. – И не тебе, необразованный гибрид, дано осуждать нас!

– Вот и первопричина всех наших разногласий, – неожиданно вмешалась Марта.

Бирр удивлённо скосил в её сторону глаз:

– О чём ты?

– Мы не примиримся, – она обречённо покачала головой, – пока не научимся не трогать эту болезную тему. Если Виллимони так нравится почитать Кларка и Влеону...

– Их Величества, – прошипел Ноули, строго глянув на Марту, однако та пропустила его поправку мимо ушей.

– ...то пусть пока почитает их; в самом скором времени я сумею заверить его, что даже для них он является пустым местом. Пойми, родная земля, в отличие от твоих правителей, не предаст никогда – она охраняет тебя, пока ты её любишь и уважаешь.

– И то, что ты родом из Империи, – хриплым гортанным голосом прибавил Бирр, – не значит, что твой долг служить и защищать не распространяется на нас. Мы все тут – от неварских кочевников до северных аборигенов – существа одной крови.

15. 02. 2015.

Адресат и отправитель

Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблоно. 4 Фурутуру 3041 года по летоисчислению Авалории.

Ноули Виллимони – лучший выпускник Военной Академии – привык к жизни в ритме непрерывного движения. Ему необходимо было хоть чем-нибудь заниматься, иначе он немедленно начинал скучать и мучаться собственной бесполезностью. Любая застойная работа вызывала у него стойкое отвращение – а та работа, которой его ныне загрузили, тем более. Оказавшись на посту начальника войск внутреннего охранения, Ноули вынужден был позабыть о долгих прогулках верхом и ослепляющих зевак парадных выездах. Не всё на свете за него могли выполнять многочисленные подручные; приходилось и самому копаться в каких-то бессмысленных документах. Виллимони скопил на висевшие в углу часы-ходики умоляющий взгляд. Но стрелки не сдвинулись ни на миллиметр; отметка на строгом циферблате осталась прежней: половина второго дня. Прошло так мало времени, а он уже чувствовал себя усталым и разбитым, как будто бы несколько недель провёл на передовой без отдыха! Становилось очевидным, что копание в бумагах – это явно не его стезя...

Дверь неслышно приоткрылась, и в кабинет царственным шагом вплыла, точно охотящаяся львица, Марта. На лице у неё царила хмурая сосредоточенность, в глазах застыл лёд. В руках она держала толстую пачку писем.

Подойдя к столу, Марта аккуратно водрузила на него всю грудку корреспонденции.

– Байна и Фолди очень нами интересуются.

– Нами?

Приподняв голову, Виллимони наградил её долгим оценивающим взглядом, от которого она невольно вспыхнула и потупила голову. Голос у Марты восстанавливался стремительно: видимо, продолжительные ссоры не причинили её мощным голосовым связкам большого вреда.

– Мне тоже писали, – она отделила от общей стопки несколько распечатанных конвертов и продемонстрировала их Ноули. – Байна поздравляла нас со свадьбой и сожалела, что не может приехать.

– А Его Превосходительство?

– Всё то же самое, – вздохнула Марта. – Кстати, в одном из писем от Байны сказано, что произошло некое восхитительное событие, о котором она сообщила тебе. Мне хотелось бы послушать, что случилось.

Виллимони сломал печать на конверте и разорвал его одним быстрым движением. На отполированный с воском стол вывалился большой лист веленовой бумаги, по которому тянулись, взмывая то вверх, то вниз, написанные рукой Байны Санны строчки с характерными смешными завитушками и загогулинами. Ноули никогда не мог сдержать несколько растроганной улыбки, когда эти толстые маленькие букочки проходили у него перед глазами. Интересно, и как же теперь Байна справляется с непростой ролью замужней женщины? Как ни странно, но он не мог представить её себе взрослой и самодостаточной дамой. В его сознании она навсегда осталась милой девочкой. Он и подумать не мог, что его маленькая Байна выйдет замуж так рано.

– Ну давай уже! – потребовал глухой голос Марты.

Виллимони послушно поднёс послание ближе к глазам, и, быстро пробегая взором по знакомым неровным подрагивающим строчкам, начал читать:

– *«Здравствуй, дорогой Ноули!*

Я спешу сообщить тебе обо всех новых и интересных событиях, которые произошли в моей жизни за время твоего отсутствия. Честно говоря, я уже успела соскучиться по тебе.

Приехать в Кеблону к тебе я не могу: Его Превосходительство вряд ли пустит меня, он так занят, особенно в это трудное время...

Дорогой Ноули, у нас, во дворце, всё далеко не так радужно, как можно было бы предположить. Мы все надели траур в знак уважения к памяти господина Бериллия Каперция, одного из членов Тайного Совета. Он заболел ещё тогда, когда вы с Мартой приезжали на свадьбу. Увы, Уния Марина ничем не смогла помочь... Как же жаль, Бериллий был замечательным человеком. Их Величества почему-то немало обеспокоила его смерть, и они даже назначили расследование по его делу. Ноули, если бы ты мог понять, насколько это страшно: бояться, что безнаказанный убийца прячется сейчас среди твоих друзей!

Впрочем, довольно о грустном и пугающем. Пока я замужем, мне ничего не угрожает, верно? Ты можешь не беспокоиться насчёт моего поведения: я свято чту все правила приличия! Если ты спросишь, счастлива ли я в семейной жизни, я, не покривив душой, отвечу: да! Я так благодарна Её Величеству, что она выдала меня замуж за Его Превосходительство! Как мне хотелось бы, чтобы и тебе так же повезло в браке! Если бы только однажды осуществилась моя заветная мечта: повести своих и твоих детей на крестины к Её Величеству! Кстати, дворцовые лекари делают весьма утешительные прогнозы относительно сроков её выздоровления: кажется, ей нужно полежать в постели ещё около десяти дней; для перенесённой ею болезни это очень мало. Следствие по делу отравления движется куда-то в туманную сторону; из соображений строжайшей секретности Его Величество, господин начальник полиции и Его Превосходительство ничего и никому не рассказывают... Но, думаю, мне не стоит удручать тебя нашими проблемами, когда ты сам наверняка занят. Прошу, ответь мне поскорее, я должна знать, как живёт мой любимый брат.

Навсегда с тобой, Байна Амилия Фолди»

– И что здесь интересного? – спросила Марта. – Я даже не знаю этого Бериллия Каперция; он важный имперец?

– Был, – сумрачно поправил её Ноули и, вздохнув, снял со стопки ещё одно послание. – Свежее, – заметил он, рассмотрев конверт, и одним резким движением вскрыл его.

Толстый обрезанный лист спорхнул на стол, и двое склонились к нему. И Марта, и Ноули сразу поняли, что «восхитительная новость», о которой писала Байна, здесь. Эта новость, написанная крупными чёткими печатными буквами, тянулась через всю страницу и даже завивалась в дугу там, где для окончания фразы не хватало места.

– *«Радуйтесь, – медленно и торжественно зачитал Виллимони, – Её Величество ожидает сына!»*

Воцарилось продолжительное молчание. Марта выдернула у него из рук письмо и пересмотрела его сама. Нет. Ничего не изменилось: он сказал правду.

– Здесь так и сказано, – тихим голосом подтвердил Виллимони, который, казалось, сейчас отдалился от неё на десятки метров. – Её Величество объявила о своей беременности, и, согласно всем предсказаниям, на этот раз у Авалории будет наследник!

Марта медленно поднялась из кресла. Выходит, это правда. Её Величество действительно беременна, у неё будет сын, последняя надежда всех монархистов Империи... Едва ли об этом станут печатать в газетах, даже из желания похвастаться перед униженными кеблонцами, ведь известно, сколь много раз Влеона уже пыталась осчастливить трон наследником и что из этого получалось. Расхаживая по кабинету Ноули, Марта пыталась определить, куда ей ехать вначале: к своим сторонникам в Федлис или же в канализации.

Решение созрело быстро: пока ей в канализации нельзя; неизвестно, что предпримет её необузданный Союз, если она вздумает рассказывать правду. Вначале следовало проверить их настроение; можно ли им довериться... А проверить легче всего в Федлисе.

– Мне нужно уехать, – торопливо бросила она, оборачиваясь к Виллимони, – думаю, это ненадолго. Где-то через неделю я буду здесь.

– Постой, – остановил её повелительный голос, когда она уже собиралась переступить через порог, – объясни сначала, куда и зачем ты едешь одна.

– Я не могу взять тебя с собой. Это всё, что я имею право сказать, извини... Через неделю я вернусь, – повторила она и вышла из комнаты.

Дорожные сборы не отняли у неё много времени. Полчаса спустя Марта уже стояла в конюшнях, нетерпеливо теребила узду Урагана, отвечала невпопад на вопросы конюха Кааса и не отводила чересчур пристального взгляда от посеревшего и резко провисшего, будто беременного, неба. Судя по тому, как дрожали осиротелые листочки на тоненьких древесных побегах, и какой суровый ветер тревожил округу шквалистыми порывами, должен был прийти шторм. Это тревожило конюха: восприимчивый, как и все оборотни, к изменениям в погоде, он обеспокоенно мотал головой, показывал сухим чёрным пальцем на тяжёлые облака и твердил испуганным голосом:

– Пахнет бурей. Лучше Вам остаться дома, госпожа.

– Не волнуйся, Каас, – успокоила его Марта, – когда здесь разверзнется адава пасть, я буду уже в Федлисе.

– Едва ли, – конюх несколько раз моргнул, как будто у него начинался нервный тик, – погода совсем плоха. Госпожа должна остаться дома, не то с нею могут приключиться разные неприятности.

– Ураган готов? – не слишком учтиво оборвала его Марта.

Уловив намёк, Каас обиженно поджал сухие растрескавшиеся губы:

– Да, госпожа.

– Я выезжаю немедленно, – и она легко вскочила в седло, цепко ухватившись за свисавшие поводья.

Конь недовольно прятал уши и постукивал копытом о землю; его чуть раскосые тёмные глаза недоверчиво косили вдаль, на устланную белоснежным камнем дорогу. Предчувствуя что-то недоброе, Ураган неохотно повиновался властной руке хозяйки. Наверное, сейчас он на своём лошадином языке сетовал на людскую глупость и недогадливость: ну как можно не обратить внимания на явные признаки приближающейся жестокой бури? Разве нельзя переждать непогоду здесь, дома, в покое и безопасности, а уже потом скакать во весь опор навстречу новым приключениям?

Вдали грозно рокотала приближающаяся буря. Тучи нависали всё ниже; казалось, их чёрные брюхи ложатся на потрескавшуюся пыльную землю, столько месяцев не знавшую дождя. Деревья тревожно переговаривались друг с другом, и каждый листик их дрожал от ужаса, плотнее прижимаясь к собратьям. Птицы и звери затихали: не желая подвернуться под горячую и тяжёлую руку слепой стихии, все благоразумные существа спешили укрыться в норах и не высовывать оттуда носа. Даже представители людской расы, которых в большинстве жизненных случаев трудно бывает называть рассудительными, чуяли признаки подступающей бури и спешно возвращались в городскую черту. В самом скором времени с дорог исчезло всё и вся, даже дозорные, в чьи обязанности вменялось непрерывно патрулировать прилегающую к городу территорию и безжалостно расправляться с мародёрами. По длинной пыльной дороге, извивающейся, как сброшенная змеиная шкура, Марта ехала одна...

* * *

Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблоно, особняк Его Командирства Ноули Виллимони.

13 Фурутуру 3041 года по летоисчислению Авалории.

Ноули Виллимони в который раз протёр покрасневшие, опухшие от продолжительной бессонницы глаза и с угнетающим нетерпением взгляделся в шумную улицу за окном кабинета. Уже неделю и два дня Марта отсутствовала, и это время казалось ему вечностью. Без неё дом словно превратился в кладбище безмолвных призраков. Одни исполнительные слуги

по-прежнему сновали с этажа на этаж, выполняя поручения хозяина и не догадываясь, что в глубине души тот жестоко страдает. Ноули с трудом сумел признаться в этом перед собственным беспристрастным судом только три дня назад, вечером. Отчаянно отрицая любую власть Марты над собой, он пытался заполнить пустоту всем, чем только мог. Но ему надоело убежать от правды. Жизнь без Марты не была для него полноценной жизнью. Он потерял покой и сон; ему не удавалось сосредоточиться даже на делах первостепенной важности, пока Марта не возвращалась. День сменялся ночью, а её всё не было рядом.

А вдруг с ней что-нибудь случилось? Эти тревожные мысли навязчиво возвращались к Ноули, хотя он настойчиво гнал их прочь, возвращались и с возросшим нахальством оккупировали его сознание. Он хорошо знал характер Марты: если ей что-то придётся не по вкусу, она не побоится вступить с ожесточенным спор даже с могущественнейшим из демонов. Если при ней посмеют оскорбить её драгоценный Кеблоно – она бросится в бой. Но даже в Федлисе, наиболее демократичном из всех городов Империи, бывает опасно перечить тем, кто способен раздавить тебя одним ногтём. Так неужели Марта снова безрассудно влипла в неприятности? Виллимони сорвался с места и принялся выписывать по комнате нетерпеливые круги. Чувство вины грызло его изнутри. Почему он только позволил ей уехать в одиночестве? Он обязан был помчаться следом за нею, охранять и оберегать ото всех опасностей!

Или, может, она не писала не потому, что с ней что-то произошло, а потому, что не желала возвращаться? Если бы она послала ему из Федлиса весточку, он чувствовал бы себя намного спокойнее. Но, словно назло, среди всей приходившей корреспонденции он не находил ни одного письма, подписанного её рукою.

Бездействие было не в манере Виллимони. Он искал Марту с ожесточённым упорством; ради того, чтобы увидеть её снова, он не побрезговал протянуть руку даже тем, кого ранее отвергнул.

В распахнувшуюся дверь протянулась встрёпанная макушка проворного, но излишне языкастого слуги Кертеса.

– Ваше Командирство...

Виллимони резко обернулся к нему.

– Кертес! – вскрикнул он. – Есть вести?

– Да нет, наверное, – с присущей ему непосредственностью ответил слуга. Брови его слегка ошалело приподнялись. – Но у ворот стоит заместитель господина Гевалы-младшего, этот, как его...

– Лиордан здесь? – с надеждой спросил Виллимони.

– И просит Вас принять его, Ваше Командирство, – утвердительно закачалась голова Кертеса. – Открыть ему ворота?

– Открыть! Немедленно! И вести сюда без промедления! – приказал Ноули и хлопнулся в кресло.

Лиордан Эммиэль был тем самым человеком, которому Виллимони когда-то вверил бы на попечение даже собственную жизнь. Молодые люди знали друг друга ещё с пелёнок; их фамилии состояли в дальнем родстве и поддерживали между собою тёплые доверительные отношения. Лиордан и Ноули одновременно поступили в Военную Академию, одновременно прошли суровую шестилетнюю школу курсантского воспитания, деля все радости и трудности на двоих. Они не расстались и после выпуска. Как лучшие ученики Академии и в том числе дети не последних людей в Империи, молодые люди удостоились назначения в пятый элитный полк; они даже на войне всегда оставались рядом, и это укрепило их дружбу.

Казалось, они так и проживут две жизни, как одну, но тут в их блестящие совместные планы вмешалась злодейка-судьба.

После ночи победоносного имперского штурма Эммиэль растворился, как песчинка в воздухе. Многие считали, что он погиб: строптивые кеблонцы остервенело защищали каж-

дый дом и каждую улицу в своём городе, усеивая их телами имперских легионеров. Опознавать каждого из этой груды было бы слишком проблематично, поэтому Король издал приказ сжечь трупы на погребальных кострах без дальнейших проволочек. Ноули был уверен, что никогда больше не увидит Лиордана, и это лишь подогревало его ненависть к защитникам Кеблоно.

Двое друзей встретились совершенно неожиданным образом за пару часов до торжественного парада в честь первой годовщины победы в Освободительной Войне. Оказалось, Лиордан, по неосторожности отбившись от основного отряда, попался в лапы к агрессивно настроенным местным жителям из добровольческого отряда. После ожесточённой борьбы кеблонцы бросили его, сочтя мёртвым. Эммиэль очнулся где-то в глубине мрачных тёмных переулков совершенно одиноким и безоружным. В подобной обстановке следовало подчиниться первому правилу выживания: бежать со всех ног прочь, – что он и сделал, спрятавшись в одной из телег с остатками вечеревого колокола Кеблоно, чьи осколки направили в Столицу на всеобщее посмеяние. Там Лиордану удалось как-то выкрутиться перед королевскими очами, обелив своё дезертирство, и даже попасть в число чествуемых героев пятого элитного полка. Но Ноули не простил другу его трусливого бегства. С тех пор отношения между семьями Виллимони и Эммиэль значительно ухудшились. Они предпочитали даже не думать друг о друге: это вызывало отголоски затухшей тоски. Ноули считал, он никогда больше не будет нуждаться в помощи и поддержке старинного товарища, но, вопреки всем его предположениям, такой день настал. Всей Империи было известно, что самыми лучшими следопытами издавна считались представители гордого дворянского рода Эммиэлей. Лиордан достиг особого мастерства в искусстве розыска. Казалось, он может найти и продемонстрировать всё, что только ни попросишь: начиная от крошечной бусинки, потерявшейся в девичьей комнате, и оканчивая матёрым ловким преступником. Ради того, чтобы вновь увидеть Марту, Ноули был готов даже простить бывшего лучшего друга. Он ждал приезда Лиордана, как чуда.

Тот возник в сопровождении ухмыляющегося почему-то Кертеса; возник бесшумно и неожиданно, будто призрак.

– Господин Эммиэль тут, – доложил слуга и почтительно посторонился.

Лиордан торопливо прошёл в кабинет и захлопнул дверь так быстро, что Кертес едва успел втянуть длинный любопытный нос в пределы коридора.

– Слава Магии, что ты решил снизойти до такой жалкой букашки, как я, Ноули, – с грустной иронией заметил Лиордан, снимая длинный тёмный плащ. – Интересно, и почему ты неожиданно решился поступиться своими принципами? Я надеюсь, не ради моего искусства? Всё-таки мне хотелось бы вернуть нашу дружбу...

– Нет, о дружбе с тобой я даже разговаривать не желаю, – отмахнулся от него Виллимони и указал на соседнее кресло. – Садись и слушай, поскольку нам предстоит долгая беседа.

Эммиэль покорно опустился в кресло, не сводя с бывшего лучшего друга настороженного взгляда тёмно-синих глаз. Стиснув подлокотник обгоревшей на солнце рукой, он вернулся к деловому тону:

– Я так понимаю, я требуюсь тебе как следопыт. Кого нужно найти?

– Мою жену, – обречённо выдохнул Ноули. – И как можно быстрее...

– Ха-ха, – неожиданно рассмеялся Лиордан и откинул со лба непослушный выющийся белокурый локон. – Звучит заманчиво, Ноули. Я так слышал, что со дня твоей женитьбы, которая, кстати, наделала кучу шума по всей Империи, не минуло и пары месяцев. А твоя благоверная уже куда-то сбегает.

– Она никогда не сбежала бы от меня! – в запале заявил Виллимони.

– Понимаешь, – спокойно прервал его Лиордан, – если молодая красивая женщина неожиданно исчезает из таких тихих мест, – он окинул вид за окном выразительным взглядом, – приходится исключать, что это было похищение. Ведь ты даже не рассказал мне, как она пропала.

– Она сказала мне, что поедет в Федлис, велела ожидать её дома по истечении недели и... всё.

– Ты поражаешь меня, – хмыкнул Лиордан, – нет, мне тебя даже откровенно жаль! Скажи-ка, а сколько дней она изволит отсутствовать?

– Неделю и два дня.

– И ты поднимаешь несусветный шум! – глаза Эммиэля сверкнули почти осуждающе. – В Федлисе вечные неполадки с почтой, разве ты не знаешь? Если она и писала тебе, её послание могло потеряться. Или его ещё даже не послали с курьером. Время – лучший советчик. Обращайся, если через пару-тройку дней она не появится.

– Нет, Лиордан, – остановил его Виллимони, – ты совсем не понимаешь. Я тревожусь за неё: Федлис – город опасный. Я не должен был позволять ей уезжать без меня.

Лиордан глубоко вздохнул.

– Ладно. Проникаюсь сочувствием к твоей несчастной доле, Ноули. Описывай свою жену, и я отправлюсь разыскивать её хоть на край света. Я попрошу за только одну награду взамен...

– И какую же? Надеюсь, ты не попросишь меня покрыть твои бесчисленные долги?

– Нет, – Лиордан широко улыбнулся, – разве ты думаешь, что я стал бы просить этого? Виллимони, ты нужен мне как друг. Я всё это время надеялся, что однажды ты сменишь гнев на милость и позволишь мне снова войти в двери твоего дома.

Ноули был готов простить Лиордану всё, что угодно, лишь бы тот доставил к нему Марту – живой и невредимой.

– Конечно, конечно, – заверил он бывшего друга, – можешь рассчитывать на меня, как в прошлые времена. Только найди её, пожалуйста!

– Ух ты, дружище, – усмехнулся Эммиэль, – похоже, газеты не наврали, и ты действительно по уши влюблён в свою жену.

Ноули промолчал. Марта на самом деле значила для него очень много. Куда больше, чем он, обманываясь, говорил себе, когда предлагал ей свою руку.

– Ну, – поторопил его Лиордан, – опиши мне свою супругу, и, клянусь своей дворянской честью, меньше чем через месяц она будет здесь.

Кинув внимательный взгляд на Ноули, Эммиэль неожиданно воскликнул:

– Стоп! Ничего не рассказывай! Описания, которые дают влюблённые, это всё равно что клятвы прожжённого мошенника – одинаковая ложь без крупицы полезной информации. Бывало так: ищешь, ищешь писаную красавицу, а вместо неё находишь уродливую развалину и поражаешься, как много лишнего видит глаз мужа! Короче говоря, Ноули, у тебя сохранился портрет Марты, который размещали в «Кеблонском вестнике» накануне вашей свадьбы?

– Да, он лежит там, – и Виллимони указал на подоконник.

С тех пор, как настоящая Марта исчезла, единственным напоминанием о ней для него остался её портрет. Художник старался, напрягая все свои возможности и талант, и его произведение в итоге оказалось удивительно схоже с оригиналом. В течение этой недели с лишним, прошедшей с момента отъезда Марты, Ноули не раз и не два вглядывался в газетную вырезку, с тревогой и потаённым ужасом думая об опасностях, с которыми его супруга могла столкнуться в пути, и снова и снова упрекая себя за свою безответственность.

Лиордан Эммиэль неслышно поднялся с кресла и приблизился к подоконнику. Вырезка была с любовью и старанием вставлена в переливающуюся в лучах солнца белоснежную рамку. Следопыт опустил рядом с изображением на колени: ему казалось, если бы он дотронулся до портрета хоть кончиком пальца, Виллимони счёл бы это для себя величайшим оскорблением. Его пристальный взгляд ревниво следил за каждым движением Лиордана, словно тот мог как-то навредить бесценному портрету или украсть его. Постаравшись абстрагироваться от этого неприятного ощущения слезки, Лиордан сосредоточил всё своё внимание на неподвижном женском лице, с гордостью глядевшем на него сквозь стекло.

Судя по портрету, эта Марта Сауновски действительно была настолько красива, насколько о ней сплетничали. Только надменное выражение, застывшее в её тёмно-синих глазах, и упрямо сложенные губы заставляли Лиордана чувствовать к ней инстинктивную неприязнь. Что-то упорно подсказывало ему: эта девушка привыкла держать всех, и мужа в том числе, под своим каблуком и никого оттуда не выпускать, даже для того, чтобы несчастные узники сумели глотнуть чистого воздуха.

– Ты насмотрелся? – отвлёк его требовательный вопрос Виллимони.

Лиордан медленно выпрямился, и, сощурившись, всмотрелся в крыльцо особняка, залитое потоками солнечного света.

– Да, конечно, – ответил он, – и, я так понимаю, мне придётся оставить портрет у тебя.

Ноули помедлил с ответом: судя по выражению, отразившемуся у него на лице, он разрывался между желанием поспособствовать поискам завершиться как можно скорее и страхом потерять последнее напоминание о Марте навсегда. Лиордан вздохнул:

– Да, видимо, ты совсем потерял доверие ко мне, дружище. Если портрет красавицы тебе так дорог, я не стану отнимать его. Да и вообще, – наклонившись вперёд, он оперся ладонями о подоконник и, взглядевшись вдаль, бесстрастно сообщил: – у меня нет никакой нужды ехать на розыски.

– Что-о?! – возмущённо вскрикнул Виллимони, выскакивая из кресла. – Ах ты, лицемерный подлец! Вот так ты исполняешь свои обещания? Наверное, раньше у меня вовсе не было глаз, раз я не видел, кого называл своим другом столько лет! Немедленно вон отсюда, я сумею найти собственную жену и без помощи прославленных следопытов!

– Ноули, спокойно, спокойно, – Лиордан даже немного испугался. Примиряющим жестом вскинув ладони вверх, он отступил от окна и мягко промолвил: – Во имя нашей старинной дружбы я отправился бы за твоей женой даже в Пятое Измерение, но, понимаешь ли, она пару секунд вошла в особняк, и, как я предполагаю, появится здесь...

Дверь распахнулась так резко и быстро, что с силой ударилась о косяк, и в комнату вскопчил явно обрадованный Кертес. Широкая улыбка осеняла лицо юного слуги, глаза его восторженно сияли. Виллимони и Эммиэль быстро повернулись к нему.

– Ваше Командирство, – переливаясь счастьем, доложил он, – Ваша жена вернулась!

– Марта! – вид у Ноули сделался едва ли не более глупый, нежели у его слуги.

– ...как я и говорил, она появится сию же минуту. Вот видишь, – не преминул вмешаться Лиордан, довольно складывая руки на груди, – я был прав, как, впрочем, и всегда.

Но Виллимони не слушал его: в комнате следом за радостно скачущим Кертесом появилась и хозяйка особняка. Марта вошла, как призрак; лицо у неё застыло, а глаза словно умерли. Казалось, что здесь, с ними, только её тело, в то время как душа пребывала где-то далеко... Хотя Ноули вёл себя с нею настолько вежливо и предупредительно, что знавший его с глубокого детства Лиордан лишь молча удивлялся и мысленно хватался за голову, Марта не проявляла никакого участия. Холодно отстранив Виллимони, она, не поднимая головы, подошла к креслу, где ещё недавно сидел гость, и опустилась на подушки. Её лицо по-прежнему ничего не выражало.

Тем временем даже дикий восторг Ноули заметно охладился. Может, Лиордану это и показалось, но у него в глазах отразилось нечто вроде злости.

– Где ты была, Марта? Почему ты не написала мне?!

Сверля взглядом пол, Марта молчала.

– Что с тобой? – тихо и медленно спросил Ноули, склоняясь к ней, но она не проронила ни звука.

Тут Лиордан сообразил, что ему пора откланиваться.

– Прошу прощения, – кашлянул он, – но меня ждут неотложные дела. Оставляю вас наедине со скорой надеждой встретиться вновь.

– Конечно, Лиордан, можешь зайти ещё раз, – рассеянно согласился Виллимони.

Попрощавшись с хозяином, Эммиэль из вежливости поцеловал руку у его супруги. Её протянутая ладонь показалась ему холоднее льда. Но холодность кожи не шла ни в какое сравнение с холодностью её глаз. Она явно даже не заметила Лиордана; душой она всё ещё пребывала в Федлисе.

Эммиэль постарался покинуть комнату как можно тише. Ни Ноули, ни Марта не обратили внимание на его уход. Она глубоко дышала, не поднимая головы, он ожидал ответа на свой вопрос. Но ответа не было. Виллимони повторил, уже громче и настойчивее:

– Что с тобой, Марта?

– Ничего... ничего, всё в порядке, – она постаралась улыбнуться ему, но под этой улыбкой он сразу увидел горькую боль.

– Нет, это неправда. Скажи мне честно, пожалуйста, – Виллимони заглянул ей в глаза. – Я пойму тебя, Марта.

Она вздохнула ещё раз, пытаясь загнать муку дальше в душу. Смотреть на то, как она борется с собой, было намного мучительнее, чем видеть её плачущей. Ноули бессознательно крепче сжал её сцепленные в замок руки, и только это вернуло её к жизни. Взглянув на него полным горя взглядом, она прошептала:

– Федлиские полицейские открыли охоту на революционеров.

– Ты попала к ним? – испугался Виллимони. – Эти нахалы посмели задержать и допрашивать тебя?

– Нет! – собрав последние силы, воскликнула Марта. – Ноули, разве я оказалась бы сейчас здесь, если бы полиция Федлиса всерьёз взялась за меня? Они наплевали бы на мои дворянские удостоверения и замучили бы меня пытками. А, может, вздёрнули бы на виселице, как несчастную Алисию!

– Алисия?

– Одна из революционеров, – хмуро пояснила Марта и неожиданно поднялась из кресла. – Её казнили по обвинению в государственной измене у меня на глазах. Конечно, я пыталась разобраться с этим жалким комиссаром, который приговорил её, но он не сообщил мне ничего важного. Только заверил, что он всеми силами постарается искоренить с лица земли таких, как эта несчастная девочка. Ну, нет, – лицо Марты исказилось злой гримасой, – мы ещё посмотрим, кого искоренят раньше: нас или его с его шайкой!

В волнении она заходила кругами по кабинету Виллимони. Ноули с ужасом и состраданием одновременно следил за её движениями, не зная, что можно ей сказать, как её утешить.

Марта порывисто обернулась и смерила его быстрым взглядом.

– Ноули, – прошептала она, – ты обязан вступить в Союз Справедливости и помочь мне. Только Республика восстановит справедливость в этой несчастной стране!

– Нет! – решительно отрезал он. – Власть Их Королевских Величеств для меня действительно достойна поклонения, а твои республиканские бредни, Марта, всего лишь глупая утопия. Под крылом Короны всем в этой стране живётся...

– Отвратительно! Разве ты настолько слеп, что этого не видишь? Ноули, для тебя членство в Союзе Справедливости – последний шанс на спасение! Едва мы развернёмся, вся эта сегодняшняя «элита общества», – с уничтожающим сарказмом выплонула она, – до единого ляжет на плаху, и я лично позабочусь об этом!

– В таком случае, – парировал задетый её самоуверенным тоном Виллимони, – я, в свою очередь, приложу все силы к тому, чтобы ваше безумное восстание никогда не развернулось!

– Ноули, – неожиданно серьёзно предупредила его Марта, – будь уверен, что я сумею переступить даже через твой труп, лишь бы добиться желаемого. Что значат жизнь и страдания двух людей, когда на кону стоит судьба Кеблоно?

– Марта, а ты не думала о тех, кто поверит тебе и пострадает – из-за тебя?! – воскликнул Виллимони. – Для тебя ничто жизни всех солдат и революционеров, которые сотнями лягут на поле боя из-за тебя? Тебе наплевать на сирот, вдов, на разрушение домов и больниц?

– Наплевать! – с вызовом ответила Марта. – Мне наплевать, в точности как и твоим соотечественникам. Не думаю, что хотя бы один империшка поразмыслил о мирных жителях Кеблоно или о наших зданиях, когда врывался через ворота! Придётся нам самим заботиться о себе, раз больше никому нет до этого дела!

Повернувшись, она сделала шаг вперёд – и остановилась. Она чувствовала, что несправедливо сорвалась и накричала на него снова. *Он был тут ни при чём...*

– Марта, прошу тебя, успокойся, – тихо сказал Ноули и, подойдя к ней на пару шагов, взял её за руку.

Их взгляды перекрестились в потоках жёлтого, как лимонная долька, света. Никто не произнёс ни слова, но в комнате неожиданно стало гораздо теплее. Это растаяли лёд и безумная жажда мщения в глазах Марты. Она проронила усталым, полным скорби и боли голосом:

– Как же это трудно, Ноули...

И крепко прижалась к нему, как к своей последней защите и опоре в этом мире. Нет, она не плакала: это было бы ниже её достоинства. Хотя... разве не низко обниматься с имперцем, когда его сородичи совсем недавно казнили безвинную пятнадцатилетнюю девочку? Почему-то этот вопрос, возникнув в её сознании, не заставил её отстраниться, как раньше. Ведь она поняла кое-что, что уже никогда не смогло бы сделать её прежней.

Пусть девяносто девять процентов населения Империи – это подличающие и опустившиеся трусы, развратники, лгуны и прочее; главное, что Виллимони составляет счастливое исключение. Он – это тот вымирающий один процент, который сохранил ещё живое сердце, способное сопереживать и сочувствовать. Только сейчас она уверилась, что Ноули её не презирает: иначе он не стал бы успокаивать её одним молчаливым прикосновением.

Неизвестно, сколько времени они простояли, прижавшись друг к другу, молча, слушая только, как бьются их сердца. Постепенно сердце Марты стало стучать реже, выражение её глаз сделалось умиротворённым. Ноули выпустил её из объятий, но наваждение не рассеялось.

– Вот видишь, – сказал он, – теперь ты гораздо спокойнее. Постарайся размышлять на трезвую голову, а не кидаться в пекло с бешеными призывами: это не доведёт до добра.

– Я всегда взвешиваю свои слова, – пробормотала Марта, старательно растирая лицо ладонями, чтобы предательская краснота скорее сошла с него. Голос у неё был хриплым, как будто смущённым и сдавленным. – Ноули... ты не понимаешь, но я поклялась отомстить за гибель всех своих друзей и соотечественников. Кеблоно – это я. И каждый мёртвый житель моего города – это адская боль. Если ты действительно привязан к Байне настолько сильно, насколько утверждаешь, ты поймёшь, почему я именно такая.

Как ей хотелось бы заставить свой болтливый язык умолкнуть хоть на секунду! Этого ничтожного времени ей хватило бы, чтобы овладеть своими чувствами. Но сейчас словно произошёл какой-то сбой в системе: она не могла замолчать. Не оборачиваясь к Ноули, она чувствовала, что он внимательно следит за ней. Остатки былой гордости пытались заставить её закрыть рот – не получалось. Она надеялась, её исповедь зажжёт огонёк революционизма и в сердце Виллимони! Только это и заставляло её рассказывать ему всё. Её голос то прерывался, спускаясь до шёпота, то неожиданно креп и обретал силу. А Ноули, как она была убеждена, слушал её.

– Представляешь, – хрипло сказала она, – в Кеблоно дела обстояли намного хуже, чем докладывал Фолди! Не было никогда никакого гуманитарного коридора. Был, вернее, но только наполовину: имперцы предложили нам провести детей по безопасным тропкам прочь от города... Но первую партию они разбросали по самым худшим приютам в Империи... они обращались с детьми ужасно. Думаешь, мы отпустили бы ещё кого-нибудь? Мы решили уме-

реть все вместе. А теперь подумай, каково это: жить под нескончаемым градом обстрелов, причём ты не знаешь, когда и куда упадёт следующий снаряд... Продуктов не хватает, люди болеют и умирают посреди бела дня, прямо в толпе. Да, да, такое было! – мрачно подтвердила она. – Крысы и мухи повсюду... лекарств нет, оружия нет, еды нет... Как жить в таких условиях? А просто: надо верить! Мы не отчаивались... Хотя мы столько раз видели смерть и боль! Представляешь, каково бывало нашим раненым солдатам, когда гангрена начинала пожирать им конечности, и врачи отхватывали им кусок плоти за куском, чтобы сохранить жизнь? А делали всё это им в ясном сознании, ведь у нас не было никаких снотворных. Даже опиума не хватало на всех. Я побывала в больничных лазаретах, и сколько крови и страданий я там навидалась! Мне хватало благоразумия не идти на фронт – поначалу. Отец и мать с сёстрами едва ли не силами удерживали меня дома. Они говорили, опасно ходить по улицам тогда, когда имперские установки швыряются в нас булыжниками с утра до ночи. Если бы я только знала, что эти предостережения бессмысленны! Жизнь человека очень легко оборвать, да только даже годы трудов и копания в некромагических книгах не дадут тебе шанса её воскресить. Я лишь отправилась за водой, которой не было в домах во всём квартале из-за ваших трижды проклятых обстрелов, и это спасло мою жизнь, – она остановилась: говорить дальше было слишком трудно. Но, упрямо вскинув голову, Марта продолжала свой рассказ, словно борясь с собственным малодушием и побеждая его в решительной схватке. – Я наклонилась к колодцу: в воде отразился яркий след от снаряда. От дикого грохота я упала и выронила своё ведро. Когда я поднялась, над моим домом курилась чёрная струя. Я бежала так быстро, как только могла. Но что у меня тогда вышло бы изменить? От нашего жилища не осталось и жалкого воспоминания. Я до сих пор вижу эту картину перед глазами, – голос Марты дрогнул, и по плечам вновь пробежался мороз. Она никогда не забывала то ужасное зрелище, навсегда перевернувшее что-то очень важное в её потрясённой душе. – Представь себе, Ноули: раздавленный дом. Раздавленные люди. От здания остались только обломки досок и осколки камней. Ровно посередине, там, где раньше находилась наша гостиная, лежал имперский снаряд. Он ещё дымился...

Я иногда спрашиваю себя: а не ты ли орудовал тогда возле катапульты, чей единственный выстрел разрушил мою жизнь?! – Марта гневно сжала кулаки. – Все погибли! Все: и мама, и папа, и сёстры!.. Мама лежала ближе всех к двери. Если бы ей удалось преодолеть ещё пару шагов, она наверняка спаслась бы. Если бы, если бы только она успела... Об остальных мне горько говорить, что у них точно не было никаких шансов. Амисаллу и отца я нашла в гостиной. То, что я обнаружила, конечно, сложно было опознать. Передо мной было только мёртвое кровавое месиво: ни лица, ни тела невозможно было отличить друг от друга. Я не понимаю, как тогда мне удалось не лишиться чувств. Наверное, я была слишком шокирована. На кухне лежала Ления. Обрушившиеся потолочные балки сломали ей шею. Я помню, как мухи кружили над телами моих родных, садились на них... – Марта дёрнулась. – Меня мучает единственный вопрос: «Почему?»?! Почему именно они? Ведь они были такими молодыми... Лени и Амисалле и двадцати не исполнилось. Мама и папа... столько лет жизни впереди! Они ничего плохого не сделали ни Империи, ни Кеблоно, так почему же они умерли? И почему никто не держит ответ за это преступление, если, конечно, нынешнее правительство вообще квалифицирует их гибель как преступление? Ответь мне, Ноули! Пожалуйста!

Ноули стоял перед нею с таким видом, точно она обвиняла его в смерти своей семьи... Но разве она и не пыталась повесить это подлое убийство на него? Ей стало стыдно, затем – больно. Страдания Виллимони с недавних пор ощущались ею, как свои собственные...

Ноули поднял на неё твёрдый взгляд.

– Эта гибель была преступлением, Марта, я согласен с тобой. Но разве мы можем найти виновных теперь? Я и не пытаюсь предложить тебе забыть об этом – такие потрясения не забываются никогда, – но я хочу лишь одно посоветовать: постарайся отпустить мёртвых. Ты нико-

гда уже не узнаешь, из-за кого погибли твои родные. Возможно, их убийцы давно нет в живых. Но ты держишь призраки рядом с собой, и, думаешь, им это нравится? Прошое не вернуть.

– Так может говорить только тот, кто не переживал подобной боли! Кровь за кровь, смерть за смерть. Я придерживаюсь именно этого принципа. А теперь, – опередила она готового возразить Ноули, – признайся честно: ты хоть раз в жизни вёл обстрел по Кеблону?

Он ни секунды не колебался.

– Нет, – последовал твёрдый ответ, – ты, конечно, можешь мне не поверить, но это на самом деле так.

– Я верю, что это не ты, – вздохнула Марта. – Потому что... – но тут она вовремя сумела прикусить язык.

– Марта... – голос Виллимони прозвучал доверительно, почти ласково, – послушай...

– Что? – она приподняла плечи, словно пытаясь защититься от очередного вторжения в свою душу.

– Я действительно сострадаю тебе и понимаю, как тебе было тяжело. Я...я никогда не посмею отрицать, что в тот день поступок наших войск был настоящим подлым, грязным преступлением.

– Так почему ты тогда не откажешься от Империи? – закричала Марта, и в её голосе против её воли зазвучали надрывные нотки. – Почему ты продолжаешь цепляться за руководство, которое сам называешь бессовестным и бессердечным?

– Это – моя страна и мои правители, Марта, – серьёзно ответил ей Виллимони. – Я клялся служить им и никогда не знать дезертирства. Их Величества не так ужасны, как ты думаешь. Они слишком далеко, они не видят тех бесчинств, которые творят многие из наместников.

– Да? – придушенно фыркнула Марта. – Когда ваши войска были здесь, Король лично стоял под стенами, я даже говорила с ним! И он приказал убить всех в нашем городе, вырезать нас, как свиней или как собак! А его жена одним росчерком пера отправила на гибель сотни моих земляков, которые подчас не знали, что такое оружие!

– Марта, это – моя страна, – ещё раз повторил Виллимони. – Я не нарушу клятвы.

Марта искоса взглянула на него: ей казалось, что он хочет прибавить кое-что ещё, что-то более важное... Но он молчал. Отвернувшись, она вздохнула.

– Нам никогда не получится договориться. Мы слишком далеки друг от друга...

Это было так. Но Ноули чувствовал, что он готов пожертвовать многим, всем, что имел, лишь бы приблизиться к ней хотя бы на такое расстояние, на которое она подпускала Бирра Кавера, и доказать, что она ошибается!

Однако ради этого ему пришлось бы бросить свою присягу на верность, – единственное, от чего он не мог отказаться.

Марта отошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Она просит Виллимони достать звезду с неба. Неужели не ясно, что его не заставят измениться никакие доводы и мольбы? Виллимони останется Виллимони...

«А я навсегда останусь Мартой, – упрямо подумала она, – я не могу довериться имперцу! Как же я отдалилась от него... хотя... была ли я вообще к нему близка? Или всегда между нами была эта непроницаемая стеклянная перегородка, о которую мы, как два разозлённых барана, бьёмся лбами, но пробить никак не можем? Что же мы должны сделать, чтобы мне удалось простить и выслушать его? Наверное, это входит в сферу невозможного, ведь наши старания так и не увенчались успехом. И не увенчаются никогда... Нам не суждено стать даже друзьями. Я уверена: если бы он сейчас бросился передо мной на колени, сумел как-то вымолить прощения за бесконечные бои, в которых он так отличался, проливая кровь моих земляков; я не сумела бы довериться ему всё равно. Да, возможно, мне удалось бы простить ему его грехи, но забыть о них... никогда! Притворяться благосклонной для меня ещё тяжелее и противнее, нежели стараться изображать ненависть. Так как же мне быть, как следует

поступать? Я привыкла всегда быть честной, идти до конца, никогда не сдаваться, но сейчас я саму себя загнала в тупик. Ноули как революционер – плоская шутка, Ноули как имперец – враг, и это означает, что от меня потребуют убить его! Но я не позволю им и волос тронуть на его голове! Он не помышлял о том, чтобы отдать меня в лапы Империи, а я его подло предаю и выдаю? Не попытаюсь вытащить его из передраги после того, как он столько раз спасал меня, когда я висела на волоске от гибели? Я обязательно помогу ему! Даже если в результате нас обоих повесят на одной виселице, я хотя бы умру с ним рядом... Это будет для меня не пыткой, а наградой: иметь возможность видеть его последним! Столько раз я пыталась приблизиться к нему, понять его, а он меня отталкивал! Но почему? Как же это мучительно: сознавать, что свет, к которому ты так настойчиво тянешься, никогда не насытит твоих глаз; что голос будет звучать ласково для кого-нибудь другого, не для тебя.

Это слишком позорно: сдаться, признаться, что ты мечтаешь стать как можно ближе, как можно лучше ради него! Нет! На такое унижение ни за что не согласится внучка моего дедушки! Ползать на коленях перед троном, на котором восседает его Эгоизм в ожидании царских почестей, лить слёзы и молить о любви – нет! Мужчины зазнаются тем больше, чем сильнее и откровеннее их любят! Виллимони не узнает ничего и никогда! Я упаду в собственных глазах, если забуду героическое прошлое своего города и стану почитать этого убийцу, душегуба и верного прислужника Империи! Нет, мои чувства – моя тайна, мой скрытый позор и мой вечный крест, который мне придётся нести, пока не умру я или он.

Но что случится раньше? Если меня прикончат при попытке захватить город, я ничем не помогу Ноули: революционеры разорвут его в клочки. Они устроят ему такие пытки, перед которыми крысиная казнь покажется детской забавой. Я должна помочь ему бежать, поискать защиты... Но... Виллимони убивал кеблонцев, теперь пробил час замыкать круг. Он никогда не раскается в своих преступлениях, так зачем его жалеть?

*Может, потому, что у него есть подобие сердца, и он не безжалостный сухарь вроде Страницуна или Сиара? Виллимони – военный преступник, но он уже начал сознавать, что Империя поступала подло и бесчестно. Так, может, он всё-таки перейдёт на нашу сторону? Как мне хотелось бы, чтобы это случилось, и он был в безопасности! Если он смочет с себя кровь безвинных защитников Республики, я сумею спасти его... хотя я всё равно спасла бы его, что бы ни случилось». **Дни везения союзников. Часть I.***

Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблоно, новое укрытие революционеров. 9 Фурутуру по летоисчислению Авалории.

Очередное заседание Союза Справедливости было назначено на одиннадцать часов вечера. Чтобы попасть на него, Марте пришлось всячески хитрить и изворачиваться, таиться в тени фонарных столбов и украдкой пересекать улицы стремительными перебежками. Никто из соседей не должен был заметить, как она ускользает из дома ночью.

Конспирацию соблюдали и все остальные члены совета: они появлялись в укрытии, где их уже ожидали предводители, поодиночке и с большими временными интервалами. Они не произносили излишне громких звуков, не делали заметных движений. Если революционерам удалось избежать мелких ошибок и оплошностей, то можно считать, что заседание началось в атмосфере строжайшей секретности. Когда вся компания собралась, башенные часы Кеблоно, украшавшие дворец наместника Гевалы, глухо пробили полночь. Среди подпольщиков наметилось некое движение: все они, как один, подались вперёд и горящими взглядами уставились на Бирра. Многие из них не обращали на Марту никакого внимания, как будто она вовсе не была их лидером. Марта гневно фыркнула сквозь зубы. Ей придётся помалкивать: пусть революционеры сами заметят свои ошибки. В конце концов, никакого Союза Справедливости не было бы, если бы она его не создала практически из ничего; и это все здесь присутствующие знали. Марта принялась считать секунды. В последнее время ей слишком редко предоставляли слово на заседаниях: чаще всего говорили умеренные.

Это крыло Союза опасалось любых энергичных действий и решительно отвергало любые планы молниеносного восстания, чувствуя поддержку Бирра.

«*Бирр! Ну неужели он не понимает, что эта черепашня возня не приведёт ни к какому результату?*» – Марта обречённо качнула головой. У неё не выйдет повлиять на расстановку сил в Союзе, по крайней мере, сейчас: Бирр расформировал совет и создал новый, с перевесом своих сторонников. Это было подло... она совсем не ожидала подобного от своего лучшего друга.

Наконец, право высказаться получила одна из сторонниц Марты – Инга. Она была едва ли не единственной из прежнего совета, кого Бирр допустил на заседание. Голос Инги звучал возмущённо:

– Кавер, неужели ты предлагаешь нам умереть за подготовкой восстания, которое едва ли увидит следующее поколение?

Бирр и тут остался верен себе: на его лице не отразилось ни единого чувства, даже вполне понятного утомлённого раздражения.

– Инга, у нас слишком мало сил, – в очередной раз напомнил он. – Кто нас может поддержать? Марта, кажется, вела переписку с лидерами революционного движения в Федлисе, и они...

– Они с готовностью подтвердили своё намерение всячески поспособствовать нам, – по словам отчеканила Марта, скрестив руки на груди.

Тёмные раскосые глаза Инги удовлетворённо блеснули, и кремень в них будто сделался мягче. Марта продолжила говорить, не сводя с Бирра упрямого прожигающего взгляда:

– Они даже призывают нас быть смелее и решительнее. Покушение на наместника Федлиса запланировано на завтрашний день. А мы до сих пор не только не осмелились подойти к этому трусливому Дорапу, но даже не напали ни на кого из его приближенных. Хватит уже ползать в грязи и бояться приподнять голову! Сколько ещё можно терпеть!

– Марта, – вздохнул Бирр, – не факт, что покушение на федлисского наместника увенчается успехом! Если наших союзников арестуют и казнят завтра за их преступление, мы останемся в одиночестве. Триста двадцать человек против тысяч вышколенных имперцев – отличное соотношение сил!

– Нас уже четыреста пятьдесят восемь, – непримиримо заметила Линна, которой каким-то чудом удавалось узнавать обо всех данных, старательно скрываемых умеренными от озлобленных. – Не лги нам, Бирр.

– Хорошо, – вздохнул он, – пусть даже четыреста пятьдесят восемь, всё равно это дела не меняет. У нас почти нет оружия, многие наши товарищи не обучены военному ремеслу. Фолди расквартировал в Кеблоно два легиона – два! Что мы противопоставим этому?

– Деньги, – хмыкнула Марта.

– Что? – недоверчиво взглянул на неё Бирр.

– Деньги, – раздражённо повторила Марта. – Все имперцы – просто продажные твари, купить их не стоит большого труда. Нужно лишь раздобыть пару мешков золотых, потрясти их перед солдатами – и они уже бегут в бой с нашим кличем на устах.

– А где ты, Сауновски, намереваешься раздобыть пару мешков золотых? – иронично сощурился Кузнец. – Мы не такие богатые, как ты. Но, может, твой супруг соизволит выделить на нужды революции недостающую сумму?

– При чём тут Виллимони? – досадливо отмахнулась Марта, чувствуя, что начинает краснеть. – Я, конечно, не стану воровать у него или кланить милостыню. Я отлично знаю, у кого можно беспрепятственно получить вдесятеро больше и при этом не вернуть долг вовеки.

– У кого это? – неприязненно хмыкнул подозрительный оборотень Фаск.

– У неварских кочевников, – подчёркнуто спокойно ответила Марта, слегка изогнув бровь. – Если они врываются в Бай, то потом выносят оттуда золото и драгоценности целыми

караванами. Но вы же знаете, как живут неварцы... Деньги им совсем не нужны, я видела, как они швыряли монеты в траву или на спор стреляли ими из рогаток по птицам. Если мы скажем неварцам, зачем нам нужны эти богатства, они не откажут.

– И кто же к ним поедет? – прицепился въедливый Бирр. – Не ты, потому что ты не имеешь права отлучаться из Кемлоно без Виллимони – ведь иначе о тебе начнут болтать злые языки. После того, как ты съездила в Федлис, «высшее общество» и так переполошилось. А с твоим мужем я никуда тебя не пушу. Если вы поедете вдвоём, я в тот же день явлюсь в королевский дворец и попрошу вздёрнуть себя на виселице. Я тоже не могу отлучиться – я должен обучать ребят битве на мечах. Послать кого-то из этой компании? – он окинул Линну и Ингу испытывающим взором. – Нет, они наболтают кочевникам такого, что те сами поскачут под стены Столицы с дикими воплями и погибнут все до единого. Умеренные? – он оглянулся на своих сторонников. – Тоже не вариант: они не смогут быть достаточно убедительными. Тогда кого нам выбрать?

– Берту, – на одном дыхании предложили революционеры.

– Берту Суон? – одновременно поразились Марта и Бирр.

– Чему тут удивляться, – пробурчал Кузнец, пока предводители пытались стереть с лиц неуместные улыбки, – это – наш единственное компромиссное предложение. Девочка, конечно, простовата, но она ловка и проворна – гонца лучше среди нас не найти. Память у неё дырявая, но в окружении своих братьев по духу она сама измыслит хороший предлог для передачи золота, если и забудет наши наставления. По всему Кемлоно расклеены её портреты – появляться на улицах в человеческом облике она не может. Но и не может же она вечность просидеть взаперти? Ей лучше на время уехать из города. Когда она вернётся, вся суматоха вокруг её поисков наверняка уляжется: Дорап Гевала – не слишком настойчивый и отчаянный парень, чтобы пытаться вычислить нас.

Помолчав, Марта мысленно согласилась с доводами Кузнеца. Бирр же весомо и внушительно произнёс, по очереди пронзив взглядом каждого из членов совета:

– Что ж, замечательно: в кои-то веки нам удалось договориться без скандалов и криков. Раз вы выбираете Берту, значит, пусть будет Берта. Ей действительно будет полезно побыть вдали от Кемлоно. Она отправится в путь завтра же на рассвете, пока большая часть города ещё спит. А мы тем временем, так и быть, приступим к активным действиям.

– Убьём Гевалу? – живо заинтересовалась Линна.

– Нет, – с брезгливостью отрезал Бирр. – Но поставить на место видных зарвавшихся имперцев мы можем, хотим и обязаны. С сегодняшнего дня Марта возьмёт под своё руководство диверсии против так называемого «высшего света», – его ноздри слегка дёрнулись. – Она получит подробные карты города и список всего нашего военного инвентаря. Поджоги, кражи, налёты, взломы, даже убийства – это я вам разрешаю, но в разумных пределах, – он кинул на Марту красноречивый взгляд. – Не забывайте, что ваши отчаянные вылазки – это месть за казнь Алисии!

– Слава Революции! – грянули подпольщики.

Марта почувствовала, как гордое осознание собственной силы приятно согрело охолодевшее сердце. Здесь, в этих вонючих, всеми позабытых канализационных тупиках, она не замечала неудобств.

– Слава Революции! – дружно скандировали кемлонцы, потрясая в воздухе побелевшими кулаками. – Революция, виват!

– Долой Империю! Да славится Республика! – усердствовала Марта, и её голос звучал громче всех других.

– Ре – во – лю – ци – я!

После этого совещания даже самые злые опять смотрели на неё доверчиво, точно неопытные тонконогие ягнята. Сравнение с ягнятами воскресило в памяти Марты славные деньки

невозвратного республиканского прошлого, и по лицу её незаметно протянулась светлая улыбка.

Но улыбке этой суждено было увянуть уже в грядущее мимолётное мгновение. Азартный пыл остудился, даже самые горячие головы отрезвели, и прежнее непримиримое осуждение воцарилось на лицах революционеров. Марта всматривалась в каждого из них с такой жалобной надеждой, что хоть кто-то обязан был смягчиться! И всё-таки никто этого не сделал. Инга и Линна отвели виноватые взгляды, черты прочих, которые даже не видели её до замужества, так как вступили в Союз сравнительно недавно, и не дрогнули. Что уж говорить о якобы миролюбивых умеренных! Те глядели на Марту с озлоблением, как будто она была виновата во всех тяготах, что им приходится терпеть!

Ну и что? Гордость заставила её вскинуть голову. Они не желают с нею знаться? Это их дело: пусть отвергают, пусть во весь голос кричат, что не имеют с нею, с подлой предательницей, женой низкого имперца, ничего общего! Всё равно им придётся признать, что они – существа одной крови! Бирр поставил именно её во главе диверсантов, следовательно, все они будут покорно повиноваться ей! А совсем скоро... когда она докажет, что не изменилась... тогда власть в Союзе снова перейдёт к ней в руки, и восстание развернётся!

Трусливые детские прятки от всесильных имперских ищеек окончились; кеблонцы не были намерены признавать себя проигравшими и ограничиваться мелкой ничтожной мстью. Эта дата была датой начала бунта, датой той бесконечно долго ожидаемой рокировки, которую Бирр обещал ей ещё год назад.

* * *

*Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблono.
16 Фурутуру 3041 года по летоисчислению Авалорши.*

– И пусть только Кавер посмеет хоть что-нибудь нам возразить! – с фанатичным остервенением доказывала шести своим товарищам озлобленная Линна.

Её глаза решительно сверкали, длинные рыжие волосы разметались по плечам. В эту минуту она казалась Марте грознее двух полков имперской элитной гвардии – и остальным присутствующим, по всей видимости, тоже.

– Линна, у нас слишком мало сил, – спокойно напомнила подруге куда более рассудительная Инга. – Ни денег, ни стоящего оружия, даже пушечного мяса меньше, чем на тощем обтрёпанном воробушке.

– И что?! – с возросшей яростью воскликнула Линна. – Ну, что, какие ещё преграды ты можешь поставить перед нами? Скажешь, имперцев там многовато для нас? И разве это нас остановит? Один наш воин, будь он так же мал, тощ и хил, как Марий...

Мальчишка, монотонно раскачивавшийся на стуле с давно погасшей сигаретой между передних зубов, возмущённо фыркнул и гневно зыркнул на Линну.

– ...да, и я повторяю это ещё раз, – упёршись в него раскалённым взглядом, продекларировала она, – один наш воин стоит десятерых имперцев!

– Не преувеличивай, – посоветовала Марта, – кто, как не вы, ещё вчера жаловались мне, что не доедаете, не досыпаете и все свои силы тратите на работе? А имперские легионы кушают досыта и не подскакивают с постели раньше крика старшины. О королевской гвардии и говорить нечего: они зовутся воинами, но при этом шикуют, как княжеские отпрыски.

– Вот именно поэтому, – вдохновенно блестя глазами, заявила Линна, – наши ребята куда сильнее имперцев. Ведь мы знаем, за что сражаемся! Ради того, чтобы доказать свою правоту, мы не побоимся выдержать чудовищные испытания и перетерпеть жестокие лишения!

Заметив, как буйный революционный огонёк загорелся в глубинах глаз большинства сидящих, Марта поспешила оборвать эту проповедь, пока та не привела к стихийному бунту.

– Всё, довольно, Линна, – жёстко велела она. – Вместо того, чтобы пытаться поубивать всех имперцев, можно дожидаться возвращения Берты и большинство их купить.

– Ку – пить? – издевательски процедила Линна.

– Ну да, купить, – равнодушно подтвердила Марта. – Не забывайте, что мы воюем не с себе подобными, а с имперцами. У них, как они ни пытались бы ввести нас в заблуждение, существует только один бог под названием империал.

– Переманивать их на свою сторону – опасно, – высказался Сил, тоже один из революционеров, – откуда ты знаешь, может, они нас и предадут?

– Может, – не стала спорить Марта, – это они умеют делать в совершенстве. Но не думай, будто мы с Бирром такие наивные и не понимаем, когда нас попытаются обвести вокруг пальца. Мы уже подметили себе в будущих наёмников третий полк, он как раз расквартирован невдалеке от старого кирпичного завода, на котором вы работаете.

– Вы, – с ядовитым презрением подчеркнула Линна. – Вот именно: большинство членов Союза вынуждены вкалывать от рассвета до заката и от заката до рассвета, а некоторые, – и она злобно зыркнула на Марту, – сидят на пуховых подушках, разъезжают в золочёных каретах и ходят только по паркету.

Впервые Марта чувствовала себя растерянной и беспомощной, как мышка, загнанная котом в тенистый угол. От этого обвинения у неё не было защиты. Она сама отлично понимала, что виновата.

– Ну, предположим, Марта это делает ради нашего же блага, – рассудительно протянула Инга, – однако я всё равно держусь настороже.

Метнув на Ингу благодарный взгляд, Марта снова застыла.

– К чему столько революционеров на одном предприятии? – продолжала Инга. – Конечно, хорошо, что наш начальник тоже один из нас, но мы и так уже несколько раз привлекали к себе внимание имперской полиции, поэтому не следует тащить на завод ещё и Марту.

– Наши лишения... – ядовито напомнила Линна.

– Лишения, – с подчеркнутым чувством собственного достоинства отрезала Инга, – стоят великой цели.

– Так что же мы медлим?! – вспыхнул Марий. – У нас столько оружия, к чему ему простаивать без дела? Давайте оцепим город, убьём Гевалу – и всё! Это так просто!

– Совсем не просто, – рассерженно осадил его Марта. – Марий, нас всего восемьсот сорок три человека, а имперских сторонников в разы больше. Они не все умеют сражаться; большая часть из них – мушкетеры, однако главная проблема заключается не в этом, а в том, что они вообще *есть*. Думаешь, большая часть людей нас поддержит, если мы убьём Гевалу? Ну, допустим, ты каким-то чудом прокрадёшься в его покои и заколешь его кинжалом, или взорвёшь мост на пути его следования. Но что дальше? Тебя поймут, осудят, вздернут на виселице, а Фолди пришлёт в город другого наместника – и, скорее всего, уже не такого пугливого идиота. Не торопи события, Марий, научись терпению.

– Отлично, – злобно улыбнулся Марий, – тогда можно убить Фолди.

– Да!! – громогласно поддержало его большинство революционеров.

– И как вы это сделаете? – Марта утомлённо закатила глаза. – Нашего министра охраняют, как наследного Принца. Из видимых сторожей у него имеется с пару десятков элитных гвардейцев, ведьм и три-четыре оборотня. Все в этой братии преданы ему до гроба. Теперь прибавь примерно такое же количество невидимых охранников и посуды, чему равняются твои шансы избавить мир от существования этого мерзавца.

– Надо что-то делать... – проронил Марий сквозь зубы, и на лбу у него пролегли извилистые глубокие морщины.

– Вот именно! – поторопилась поддержать его Линна.

– А мы что, по-вашему, делаем? – взорвалась Марта. – Мы действуем намного толковее, чем вы предлагаете, только никто не желает этого понимать! Конечно, ведь гораздо легче свалить вину за все наши неудачи на Сауновски, обвинить её в фиктивном замужестве

за имперцем, которым она спасла вам, неблагодарным, жизнь! Вы хоть раз задумывались над своими поступками? Сейчас я вижу здесь не революционеров, а неуправляемую банду, чья цель жизни – развалить Союз Справедливости!

Её выговор произвёл неожиданное впечатление. Большинство споривших уныло опустили головы и старательно принялись поедать глазами холодный осклизлый пол под ногами; Марий и Линна – самые непримиримые – залились огненной краской. Марта тяжело дышала, зло оглядывая своих сторонников. Она выступала за решительные действия, но не такие безрассудные. Революционеры совершенно отбились от рук...

– Ты опаздываешь, Линна, – напомнил Кузнец, – у вас могут возникнуть проблемы.

Ведьма неловко поднялась, не поднимая головы, сцепила руки за спиной и сделала пару шажков вперед. Но вдруг она замерла. Её умоляющий, как у маленького ребёнка, взгляд метнулся через всю комнату к Марте. Та едва заметно кивнула:

– Иди. Я разрешаю.

Двадцать три самых остервенелых и решительных революционера покинули своеобразный зал совещаний. Остальные тоже принялись расходиться: у них впереди было ещё немало дел. Марта осталась наедине со своими самыми верными помощниками: с Ингой и Калобом. Оба сидели на скрипучих древних стульях, выжидаяюще пронзая её взглядами.

– Не смотрите на меня так, – попросила она, наконец. – Я сама не понимаю, почему Линна вдруг сломалась!

– Линна покорила, – сказал Кузнец, – это уже большой плюс. Таким, как она, нужна хорошая отповедь, чтобы вернуть их верность.

– Это хорошо, но и тут есть минус. Она теперь слишком тебе преданна. Боюсь, ради твоей благодарности она может натворить дел, – прибавила Инга. Между бровей у неё пролегла хмурая складка.

– Я знаю, – шёпотом согласилась Марта. – Я прекрасно это знаю, ребята... Но что же ещё нам остаётся, кроме того, чтобы ждать возвращения Берты?

– Если она вообще вернётся, – пессимистично сказал Кузнец.

– Потому что мы все в курсе, какую непроходимую невежественную дуру умудрились отправить к неварцам, – прошептала Инга.

Марта прижала пальцы к вискам. Голову её словно раздирали изнутри мощные электрические разряды. Да, они действительно правы... Берта, Берта, глупый маленький оборотень, где же ты сейчас? Что с тобой?

25 of April

05:53 AM.

А тем временем в Империи...

Королевство Авалория (истинно – Империя), Столица, Дворец Их Величеств. 18 Фурутуру 3041 года по летоисчислению Авалории.

Фолди с раздражением отшвырнул от себя вчерашний номер «Кеблонского Вестника». Напечатанные там строчки по-прежнему вертелись у него перед мысленным взором; возникали даже тогда, когда он на секунду прикрывал уставшие глаза. И неудивительно: разворачивая очередной выпуск, он уже приблизительно знал, что за репортаж займёт первые полосы. Конечно, эти треклятые революционеры! Министр едва удержался от желания злобно стукнуть кулаком по столу. Где они сейчас прячутся? Их необходимо найти, подвергнуть пыткам и казнить! Иначе в городе снова вспыхнут мятежи; вполне возможно, что они по своей масштабности превзойдут даже памятную всем Освободительную Войну.

Фолди раздражённо фыркнул, и, отставив в сторону увесистые папки с донесениями своих шпионов из министерства иностранных дел, вновь углубился в чтение газеты. Ситуация в Кеблоно его крайне тревожила. День ото дня эти обнаглевшие создания, «защитники справедливости», как они сами себя называли, осмеливались нападать на государственную собственность! Они сжигали типографии! Обворовывали оружейные склады! Вчера, как он уже успел узнать, революционеры подорвали на самодельной мине генерала Лактюота – одного из самых активных деятелей Освободительной Войны, а Дорап Гевала молчит! Он предпочёл закрыться в дворце самоуправления, выставить вокруг когорты вооружённой до зубов стражи и, сидя у окна со шпагой в руке, отдать своим подчинённым приказание быть спокойными...

Наместник изо всех сил старался замять зреющий скандал. Пока это у него неплохо получалось: революционеры не отваживались трогать крупные промышленные предприятия или конторы, принадлежащие Империи, но убийство генерала Лактюота стало началом нового этапа борьбы. Общественность не простит Гевалу, если он немедленно не примется расследовать преступление. К счастью, Дорапу хватило ума хоть это понять, и потому он... обратился к Фолди со слезными мольбами помочь. Министр презрительно улыбнулся. Этого следовало ожидать... У Гевалы не получится навести в городе порядок, а Виллимони не предоставляют для этого полномочий. Всем сейчас заправляет Сиар... преисполненный амбиций, упрямый, вспыльчивый, но туповатый – что роднит его с горячо любимым дядюшкой. Фолди не составило труда купить младшего Гевалу и через него взяться за управление Кеблоно. Но сейчас нити марионеток стремительно ускользали от него. И Дорап, и Сиар совершенно отбились от рук: казалось, революционеры испугали их настолько, что они не боялись теперь даже министра, чей гнев воистину ужасен!

Фолди срочно необходимо было приехать в город и самому разобраться в том, что там на самом деле происходит. Бросив все дела, он незамедлительно отправился бы в путь ещё тогда, когда так называемый «Союз Справедливости» подорвал первую типографию! Но его, как всегда, задержала Королева. Гордясь своей беременностью, Влеона требовала неустанных восхвалений в честь ещё не родившегося инфанта (или инфанты?), которому могло и вовсе не посчастливиться увидеть солнечный свет. Она наотрез отказалась отпустить Фолди из Столицы. Чтобы не лишиться последних остатков её милости, он притворился верным слугой и не покинул своих роскошных, как у Принца, покоев. Его единственной связью с внешним миром остались газеты, донесения и... Байна. Оказывается, от неё можно было получить больше пользы, чем он предполагал. Любимица Королевы, Байна крутилась при дворе, ворохами собирая разнообразные сплетни, а затем тащила их – даже не представляя, что это такое на самом деле, – к супругу на одобрение. О большинстве новостей, которые Байна к нему доставляла, Фолди знал и без неё – в конце концов, он не зря пользовался репутацией самого осведомлённого человека в Империи. Однако общество жены его почему-то не раздражало.

И он знал, почему: невзирая на свою наивность и ограниченность, Байна была к нему добра. Она по-настоящему его любила и заботилась о нём; она не предала и не оставила бы его, даже если бы её соблазнили все сокровища и писанные красавцы этого мира.

Министр внутренних дел Авалории был практически всемогущ. Он мог купить, вымолить, выторговать или вырвать всё, что ему могло потребоваться, – но только не любовь. Настоящая любовь – этот бриллиант, встречавшийся в природе едва ли не реже врождённой честности, – не подлежала ни купле, ни продаже, и Фолди успел в этом убедиться за годы своей придворной жизни. Байна Санна, кажется, не знала никого в мире лучше него, и она ему не лгала. Это по-прежнему приводило министра в недоумение.

Слегка скрипнув, приотворилась дверь, и Байна проскользнула в кабинет. Её лицо выражало смущение и решимость одновременно, в руках она крепко сжимала плоский серебряный поднос.

– Ваше Превосходительство, – её ещё писклявый детский голосок колебался между неуверенностью и твёрдостью, – Вы обязаны отдохнуть.

– Госпожа Байна, – с тенью раздражения в голосе откликнулся министр, – это моя работа. Не могли бы Вы не отвлекать меня и впредь?

Губки девушки обиженно надулись. С грохотом поставив поднос на стол напротив министра, она раздвинула папки с секретными донесениями и заглянула между них, словно враг, прорвавшийся через тщательно охраняемые бастионы неприступной крепости. Её глаза пылали праведным негодованием.

– Ваше Превосходительство, – голосок ощутимо задрожал, – Ваше зрение и так оставляет желать лучшего! Не усугубляйте проблемы, которые у Вас уже имеются! Пожалуйста, – она вдруг подалась вперёд и метнула на него умоляющий взор, – пожалуйста, поговорите со мной! Я так давно не слышала Ваш голос! Почему-то Вы отдаёте всё своё время важным чиновникам; мотаетесь из одного конца Столицы в другой... Вчера Вы обещали провести со мной хоть полчаса, а вместо этого собрали Королевский Совет и совещались до поздней ночи... Скажите, ну неужели Вы меня настолько не любите?

Почему-то эта искренняя речь заставила министра вздрогнуть и посмотреть на неё. Умоляющее личико Байны находилось от него всего в паре сантиметров, и её гигантские карие глаза влажно блестели. Трепетно сжав побелевшие кулачки, она покорно ожидала его решающего слова. И это слово – единственное слово – могло либо уничтожить её, либо осчастливить. Фолди озадаченно уставился на неё. Таким идиотом он себя ещё никогда не чувствовал – либо чувствовал настолько давно, что благополучно успел об этом позабыть. Эта девочка так быстро успела привязать его к себе...

Все долгие десять лет службы он признавал лишь одного своего повелителя, восседающего на недосягаемом троне. Повелитель звался Всеобъемлющим Контролем, к которому он стремился всю жизнь. У него было всё – и всего ему не хватало. Ему упорно казалось, что он по-прежнему обделён, что лучшее только впереди. Ради власти он отбрасывал крепкие привязанности и лучшие чувства, наступал на горло собственным идеалам – и в итоге остался совершенно одинок. У лидеров нет друзей, есть только прихлебатели; у них не бывает любви – есть лишь чрезмерно расчётливые и ловкие дамы. Но... ещё была Байна. Искренняя, добрая, терпеливая Байна, которую не волновали ни его положение, ни его возраст и ходившие о нём слухи. Была ранимая, чувствительная Байна, настолько похожая на невинного ребёнка, что её невозможно было обидеть. Ей невозможно было отказать. Сделать это – всё равно что отобрать у трёхлетнего карапуза конфетку или любимую игрушку. Невзирая на все свои многочисленные недостатки, Фолди не мог причинить зло ребёнку. Поэтому он поднял на Байну усталый взгляд и терпеливо осведомился:

– Да, госпожа Байна? Вы хотели о чём-то поговорить?

– Конечно, – нервно сминая в руках платок, заговорила она, – но... но я не могу с Вами разговаривать, когда Вы меня не слушаете!

«О Боги... Мало мне было Королевы-собственницы, мечтавшей прибрать меня к рукам и заставить круглосуточно сидеть у её трона с верноподданнически круглыми глазами, теперь по её стопам пошла Байна... Неужели ни одна женщина на земле не способна понять, что в мире есть гораздо более важные вещи, чем людские прихоти?»

– Почему Вы так думаете? – собрав всё терпение в кулак, осведомился министр. – Конечно, я Вас внимательно слушаю, госпожа Байна.

Несколько мгновений она подозрительно разглядывала его, словно намереваясь с истинно женским коварством уличить во лжи и обидеться, как это любила делать Королева во время ссор с Королём. Но Байна Санна была ещё слишком юной и наивной, о штучках своих замужних знакомых она не имела ни малейшего представления. А, даже если бы она об этом и знала, она никогда не вздумала бы ни в чём упрекать супруга: сказать хоть слово против Фолди значило бы утратить его доверие. Байна не знала, доверяет ли он ей, но неизменно утешала себя надеждой, что если она покажет себя добродетельной и терпеливой, то он обязательно по-настоящему разделит с ней душу на двоих. А пока... ей нужно было терпеть.

Усевшись на банкетку в затенённом углу комнаты, чтобы не мешать Фолди работать, она смущённо усталилась на носки своих туфель и неуверенно заговорила:

– Понимаете... Вы так давно не были на светских раутах... а меня Её Величество приглашала, ведь её старшая фрейлина тяжело больна, Вы знаете...

Министр утвердительно кивнул и с удвоенной скоростью принялся строчить что-то на длинном пергаментном свитке. Его покрасневшие от напряжения глаза сузились почти злобно, и Байна испуганно спросила:

– Я сказала что-то не то?

– Нет, госпожа, – успокоил её Фолди, не отрываясь от работы, – рассказывайте дальше.

Байна вспыхнула от стыда: как она не догадалась, что Фолди так щурится потому, что он почти ничего не видит? Своим глупым замечанием она только привлекла его внимание к той проблеме, о которой он совсем не любил распространяться. Аристократы родом из старинных фамилий ненавидели демонстрировать свои слабости. Байна поклялась себе, что накрепко запомнит это, и постаралась не смотреть Фолди в глаза, чтобы не искушать себя желанием позаботиться о нём.

Продолжая рассказывать ему свежие новости, она аккуратно прокралась к столу и сняла с него серебряный поднос. Пока Фолди хмыкал и отпускал короткие замечания в знак того, что он её слушает, и разгребал гору документов перед собой, Байна аккуратно смешивала целебные травы, готовя для него мазь. Конечно, он будет противиться и злиться, возможно, даже выругает её, но ему необходимо лечиться, иначе он рискует окончательно ослепнуть.

Байна уже сама не замечала, что говорит. Её взгляд всё чаще соскальзывал к свитку, над которым Фолди вновь принялся трудиться, пока не остановился на нём окончательно. Она робко взглянула на него, затем на перо, уверенно сжатое в его пальцах. И, набравшись смелости, тихо спросила:

– А что это, Ваше Превосходительство?

– Это? – министр бросил на неё затуманенный взгляд, и она с тревогой отметила, что его сощуренные глаза покраснели ещё больше. – Это – указ №346 по провинциям Кеблоно и Федлис.

– Но... – Байна не слишком хорошо не разбиралась во всяких политических и юридических тонкостях, но даже она заподозрила неладное, – разве этими провинциями не должны заниматься наместники?

– Наместники! – презрительно фыркнул Фолди с таким видом, как будто она сказала несусветную глупость. Но, быстро глянув на неё, он поторопился прибавить: – Госпожа, Вы

рассуждаете так, как будто наместники – полновластные государи в своих землях. Они напрямую подчиняются Королеве, но, как Вы видите, я, доверенное лицо Её Величества, имею право приказывать им. Распоряжения для наместников поступают из министерства внутренних дел, напрямую от меня.

Байна слушала с восторженно приоткрытым ртом. Но, сообразив, как глупо она смотрится со стороны, низко наклонилась и отчаянно покраснела.

– А... – приподняв на супруга робкий взгляд, поинтересовалась она, – а как идут дела у моего брата?

– Разве Вы ему не писали? – поинтересовался Фолди, сосредоточенно нахмурившись.

– Писала, но... – Байна запнулась, – но он не отвечает мне. Ни он, ни госпожа Марта... как будто они заняты.

– Разве Вы не читаете газет, госпожа Байна? В Кеблоно сейчас не настолько спокойные времена, чтобы начальник войск внутреннего охранения и его жена могли расслабляться. Революционеры утратили страх перед законом, и, несомненно, Ваш брат пытается вернуть им этот страх. А его супруга успокаивает высший свет на местных раутах во дворце самоуправления. Они писали мне об этом на прошлой неделе и говорили, что едва ли смогут ответить нам в ближайшее время.

– Так, значит...

Неожиданный стук в дверь оборвал Байну. Вздрыгнув, она едва удержала на коленях серебряный поднос. Министр с равнодушным видом поднял голову от бумаг и с непонятым ей ожиданием взгляделся в дверь.

– Войдите!

В кабинет просунулась взъерошенная голова помощника министра, постоянно загруженного различными поручениями Миллета Феста. Попытавшись пригладить непослушные темные волосы, Миллет взволнованно зачастил:

– Ваше Превосходительство, Его Величество срочно вызывает Вас в тронный зал! Там будут первый министр, министр безопасности, начальник полиции... словом, почти все влиятельные фигуры двора! Вам нужно торопиться!

– Да, но по какому поводу меня туда вызывают? – осведомился Фолди.

– Преступник, отравивший Её Величество, – выдохнул Миллет со зловещим и торжествующим видом одновременно, – так вот, он...

– Он пойман, – уверенно закончил Фолди. – И, мне так кажется, что я не ошибусь, если предположу, что это – женщина, и зовут её не иначе, чем госпожа Феллиния, первая королевская фрейлина.

– Вы... Вы знали?

– О, Магия Великая, – хмыкнул Фолди, выбираясь из-за стола, – это сделалось известно ещё за две недели до ареста госпожи, но держалось в секрете между мною, Его Величеством, первым министром и начальником полиции.

– Такая быстрота... – восхищённо выдохнул Миллет Фест, готовый простереться перед начальником в пыли.

– ...и Вам бы не помешало, – прервал его Фолди. – Пока я буду отсутствовать, займитесь папкой №28 и проявите весь свой талант...

– Обязательно, Ваше Превосходительство! – вытянувшись по струнке, по-военному отпортовал Миллет.

Не удостоив больше никого из них ни единым словом, Фолди неслышно выскользнул из кабинета и бесшумно притворил за собою дверь. Байна отставила поднос и тоже заторопилась уйти, не зная, прилично ли замужним женщинам оставаться наедине с посторонними мужчинами. Её дрожащие пальцы быстро схватились за полированную ручку двери, ещё хранящую на себе след прикосновения Фолди.

– Госпожа! – остановил её умоляющий голос Миллета Феста. – Госпожа, пожалуйста, не уходите!

– Извините, господин Фест, – заикаясь, забормотала Байна, – но я не могу... это неправильно...

– Госпожа, если бы Вы знали, что я две недели уже не разговаривал ни с кем, кроме Вашего супруга, Вы не были бы ко мне столь жестоки, – грустно усмехнулся Фест. – Даже не думайте, у меня нет в мыслях ничего дурного! Просто... понимаете, глядя на Вас, я осознаю, что Вы тоже одиноки. Может, Вы согласитесь поговорить со мной как с несчастным, которого работа вынудила отказаться от любых привязанностей?

Байна подозрительно всмотрелась в это честное, открытое лицо, настолько бледное, что создавалось впечатление, будто его никогда не касались ласковые солнечные лучи. Если бы любой другой мужчина обратился к ней с подобным возмутительным предложением, она призвала бы на помощь всю свою гордость и прошла мимо. Но в глазах Миллета она не увидела ничего, кроме одиночества. А это чувство тоже было ей хорошо знакомо. Несмотря на то, что она ходила в любимицах Королевы и купалась в любви всего двора, ей было так тоскливо... Эти разряженные, улыбающиеся господа и дамы не могли заменить ей внимания единственного человека, одно участливое слово которого оживило бы её сердце. Она понимала Миллета Феста как никто другой.

Неловко улыбаясь, она вернулась на своё место и вновь поставила поднос на колени. Её пальцы ловко запорхали над баночками с лечебными травами. Миллет, вытащив из-под вороха одинаковых пухлых тёмно-синих папок невысокий табурет, поставил его на приличном расстоянии напротив банкетки и уселся, с сосредоточенным видом покусывая перо. Его взгляд был сосредоточен на документах, заняться которыми приказал суровый начальник. Но, даже сидя в той же позе, что и Фолди, наклоняясь над бумагами в точности как он, Миллет всё равно оставался самим собой. Искоса наблюдая, как он что-то торопливо пишет, Байна заметила, что волосы его уложены так же, как и у министра. Да, он тоже преклонялся перед Фолди... вот ещё одна вещь, роднившая их, почти не знакомых друг с другом людей.

«Выходит, я не одна не могу добиться ничего от этого каменного человека», – с горечью подумала Байна.

Склонившись над своей работой, она вдруг вспомнила первую фрейлину, которую сейчас арестовали. Неужели Феллиния могла желать Королеве дурного? И не только желать, а и сделать, попытаться убить её? Байна сокрушённо покачала головой. Хотя она видела первую фрейлину только три раза в жизни, и не говорила с нею никогда, она не могла поверить в услышанное. Нет, не могло зло таить своё жало под личиной дружбы! Наверняка это ошибка! А даже если Феллиния сделала это специально, в порыве неожиданно нахлынувшей зависти, ревности или злости, она наверняка успела много раз горько пожалеть о содеянном! Ведь не бывает на свете окончательно испорченных людей... внутри каждого, даже самого закоренелого негодяя, таится искорка добра, которую можно разжечь, если подует правильный, ласковый ветерок! Резкие ледяные порывы только затушат эту искру окончательно...

Байна уныло взглянула на густую кремовую массу, холодно поблескивающую в стеклянной баночке. Ей казалось, что в бликах, танцующих по поверхности смеси, она видит отражение собственных печальных глаз. И вновь отупляющее чувство одиночества охватило её душу. Как жаль, что никто больше в мире, даже Его Превосходительство Фолди, не может понять эту простую истину, открывшуюся ей, ничем не примечательной семнадцатилетней девушке...

* * *

Подсудимую уже доставили в тронный зал: потупив стремительно седеющую голову, она стояла у подножия королевского трона, и её исхудалые тонкие руки нервно потирали одну другую. Место, где должны были проводиться торжественные приёмы иностранных послов и приёмы от самых значительных лиц государства; место, откуда королевская чета провозглашала

свою волю, превратилось в судилище. И виновная, первая фрейлина Феллиния, не смотрела ни на кого вокруг; казалось, что её больше занимает орнамент на полу, нежели собственная судьба. Фолди и первый министр, как самые влиятельные люди в Империи, удостоились мест подле роскошных золочёных кресел Королевы и Короля. Начальник полиции и министр безопасности стояли ступенькой ниже, несколько других могущественных чиновников расположились у подножия трона, всего в паре метров от обвиняемой. Но Феллиния словно не замечала их присутствия. Со стороны эта женщина больше напоминала непрошибаемую крепостную стену, нежели живого человека. Фолди мог видеть, что на кончиках её ресниц повисли недвижные слезинки, но он был уверен, что всё это – только искусное притворство. Не сумела бы дама, спланировавшая и претворившая в жизнь такой изошрённый и коварный план мести, искренне плакать от раскаяния. Если она и рыдала, то только от злости, что её замыслы потерпели крах, и другого шанса добиться цели ей уже не представится.

Вычислить Феллинию оказалось непростой задачей даже для пятерых могущественных людей, деливших между собою власть в Империи. Наверное, фрейлина никогда бы не попалась, если бы её не выдал пустой флакончик из-под духов, в котором преданный Фолди Дарихак обнаружил следы законсервированных некромагических заклинаний, смешанных с ядом – тем, каким отравили Королеву. Флакончик был тщательно спрятан: под сундуком в личных покоях Феллинии, а под полом в месте, где стояла её кровать, хранился пакетик с поистине убийственной дозой отравы и такой же дозой заклинаний. Кстати, первая фрейлина была в числе знатных женщин, приходивших наблюдать за ходом работы над платьем Её Величества. Яд она получила легко и просто: смешала сама, поскольку в её семействе все женщины рода славились лекарскими умениями. Единственное, что вначале смущало следователей – законсервированная магия такой мощности, какую едва ли сумела бы создать несведущая женщина.

Однако Феллиния не была несведущей. Последние сомнения разрешил толстый некромагический фолиант, обнаруженный в доме племянника фрейлины. Так как этот племянник был напрочь лишён дара творить магию, подозрение целиком пало на его тётку. Как позже выяснилось, она ходила во все городские библиотеки с приличным списком бестиариев и читала их, не вынося из помещений – это уже казалось странным, однако Королева не разрешала трогать свою подругу, пока запах яда не насторожил преданного Фолди Дарихака, всюду следовавшего за своим господином. Видимо, отравительница рассчитывала на помощь и защиту той, кого едва не убила. Фолди не хотел себе в этом признаваться, но его радовал сам факт преступления фрейлины: это подтверждало, что в Империи есть намного более подлые люди, нежели он сам.

Члены судейской комиссии бесстрастно взирали на обвиняемую. Глаза Короля полыхали бешенством, Королева, будто обессилев, откинулась на спинку трона и закрыла глаза. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы понять, насколько ей больно и страшно от того, что даже единственная старинная подруга смогла ее предать! Фолди знал, каково это. Разве не то же самое испытывал он в тот далёкий день, когда Обсидия отказалась от него по одному щелчку пальцев Селлия Кана? Не ощущал ли он себя никчёмным и раздавленным, когда друзья его детства со злостью отвернулись от него, избавившего их от смертной казни или пожизненного заключения в узких стенах сырых подземных темниц? Не утратил ли он навсегда доверие к людям? Преданный никогда больше не сумеет взглянуть на мир с прежней открытостью и дружелюбием; всюду он примется выискивать тайных врагов, даже там, где их нет. И кому известно, вдруг развившаяся паранойя поможет ему найти новых подлецов среди тех, кто прежде казался честным?

Вот почему Фолди так злился на неразумную первую фрейлину. Из-за очевидной глупости этой женщины они все – ближайшее окружение Королевы – получили нависший над головою остро заточенный меч. Преданная лучшей подругой, Влеона станет намного более мнительной, чем раньше, и возымеет все шансы превратиться в кровавую тиранку.

Суд, созданный Кларком, хранил угнетающее молчание. Предполагалось, что это молчание должно устроить виновную. Но та не казалась Фолди ни испуганной, ни, тем более, хоть о чём-нибудь сожалеющей. Разглядывая мраморный орнамент, по которому она столько раз проходила в танце, Феллиния явно бросала своим судьям дерзкий вызов. Пусть они произнесут над нею хоть сотню злобных приговоров, эта женщина даже не пошевелится. Её невозможно было уничтожить, пока напротив неё, на роскошном троне восседала Влеона. Сейчас её старинная покровительница не смотрела на прежнюю подругу, и та чувствовала себя несколько неуверенно. Впрочем, не настолько, чтобы тотчас во всём признаться.

Кларк, очевидно, сообразил, что обвиняемая так и будет молчать, пока её не начнут допрашивать, и потому принялся со внушительным видом прочищать горло. Пока он это делал, Влеона медленно отвела расправленный веер от лица и пристально всмотрелась в склонённую голову Феллинии. словно ощутив этот взгляд, первая фрейлина дрогнула. Переступив с ноги на ногу, она завертелась волчком, точно ища место, где она могла бы спрятаться от Влеоны.

Прикрыв глаза веером, Её Величество прошептала сиплым, болезненным голосом:

– Перед лицом Всевидящей Магии и собравшихся здесь членов судейской комиссии, госпожа Феллиния, первая фрейлина королевского двора, ответьте: зачем Вы покушались на мою жизнь, на жизнь своей Королевы? Скажите, зачем Вы это сделали?

Последняя фраза была явно лишней, но Влеона даже не осознала. Её внимание поглощала ссутулившаяся фигура Феллинии. Фрейлина прижимала обе ладони к груди, словно её терзала дикая боль. Вздвигнув, она пошатнулась, и её голова медленно поднялась, открывая взорам судей заплаканное бледное лицо. Спутанные пряди седеющих волос падали ей на глаза, полные глубочайшей скорби.

– Я... – прошептала Феллиния, пристально всматриваясь во Влеону, – я... не сама...

– Да что Вы говорите! – вспыхив слишком долго терпевший Кларк. Вскочив с трона, он обвиняюще ткнул во фрейлину мясистым пальцем, перехваченным гигантским золотым перстнем с печаткой. – Против Вас есть куча свидетельств, всё вопит о том, что это Вы, именно Вы спланировали и едва не осуществили покушение на жизнь Её Величества! Или Вы вздумали отрицать очевидное? Со мной такой трюк не пройдёт, чёрт возьми!

– Ваше Величество, может, обвиняемой всё-таки стоит предоставить последнее слово перед тем, как смертный приговор будет приведён в исполнение? – заискивающе спросил первый министр, заглядывая Королю в глаза.

Лесть всегда служила для Кларка лучшим успокоительным. Услышав знакомые нотки в голосе одного из самых преданных своих служителей, он расслабил плечи и откинулся на троне. Фолди мысленно поблагодарил дряхлого старика за своевременное вмешательство: если бы Кларк продолжил так громко вопить по меньшей мере пару минут, у него, наверное, лопнула бы голова.

Метнув на Феллинию, стоящую с покорно склонённой головой, яростный взгляд, Король прошипел:

– Да уж... пусть проврётся как следует перед смертью!

– Ваше Величество! – неожиданно закричала Влеона, поднявшись с трона. Её глаза полыхали гневом. – Как Вы смеете говорить такие гадости о моей подруге?

– О Вашей подруге, Ваше Величество? – глаза Короля злобно сузились. – Вы продолжаете называть подругой ту низкую предательницу, которая едва не послала Вас на смерть?

– Это мои друзья, и я вольна сама распоряжаться их выбором, – отбрила его Влеона и, не обращая внимания на изумлённо разинувших рты министров, величественно сошла с возвышения, усланного ковровой дорожкой.

Фолди не мог даже представить, что нечто подобное возможно. Влеона медленно спускалась навстречу к Феллинии, и никто не останавливал её. Опомившись, министр протянул к Королеве руку:

– Ваше Величество! Стойте! Она же преступница!

Обернувшись, Влеона наградила его таким холодным взглядом, что ему показалось, будто и его душа леденеет изнутри. Верхняя губа Королевы медленно приподнялась.

– Это *Вы* стойте на своём месте, Ваше Превосходительство. Может, для *Вас* она и преступница, но для меня она – *моя лучшая подруга юности. А я никогда не отворачиваюсь от друзей.*

Подступив к Феллинии вплотную, Влеона широко улыбнулась. Но в улыбке этой виднелась нескрываемая грусть, на ресницах её дрожали слёзы. Полы её длинной, ярко-алой роскошной королевской мантии лениво колыхались у неё за спиной, колеблемые лёгкими порывами ветерка, залетавшего сквозь открытое окно. Казалось, будто Её Величество сейчас превратится в птицу, схватит Феллинию в когти и улетит туда, на свободу, где ярко-голубое небо сливается с горделивыми шпилями правительственных учреждений и роскошных столичных особняков. А, может, и ещё дальше...

По крайней мере, в это Фолди верилось намного больше, чем в то, что он сейчас видел. Прокашлявшись, он попытался пробудить тревогу в Короле, который, точно безучастная статуя, сидел, откинувшись, на троне, и наблюдал за супругой с малопонятной усмешкой.

– Ваше Величество, мы же собрались здесь ради серьёзной цели...

– Вот именно, – поддержал его начальник полиции, – так давайте устроим суд!

– Это вы моей жене скажите, господа, – ядовито усмехнулся Кларк, подпирая массивным кулаком мощный подбородок. – Как видите, Её Величество пожелала устроить здесь демонстрацию всепрощения.

Обернувшись к ним, Королева фыркнула:

– Раз вы не способны нас понять, сидите молча!

И снова обратилась к Феллинии, глядевшей на неё широко распахнутыми бледно-голубыми глазами, как на спустившуюся с небес спасительницу.

– Скажите, ну зачем? – в тихом вопросе Влеоны звучало столько горькой боли, сколько никому из присутствующих, включая даже Кларка, не приходилось ещё слышать. – Я доверяла Вам больше, чем себе. *Если бы Вы попросили, я охотно умерла бы. Лучше бы Вы попросили, Феллиния! Почему Вы пошли на подлость?*

В глазах фрейлины тоже задрожали слёзы. Её заострившийся нос блестел от стекающей по нему солёной влаги, с полураскрытых губ рвались, но никак не могли слететь слова признания. Затаив дыхания, члены суда наблюдали за этой трагичной сценой.

Плечи фрейлины начали дрожать. Сначала – едва ощутимо, затем – всё сильнее и сильнее; её словно сотрясала жестокая лихорадка. Прижав к груди сжавшиеся кулаки, Феллиния неожиданно отвела от Влеоны взгляд и хрипло шепнула через силу:

– Я стала чужой марионеткой.

– Что Вы сказали? – побелевшие пальцы Влеоны впились в ткань дорогого платья фрейлины. Лицо Королевы замерло, и только глаза остались живыми. – Что Вы сказали, Феллиния? Я не верю!

– Молодой человек... в чёрном плаще... – плача, выдавливая из себя трясущаяся фрейлина, – такой юный... Он... он... твердил какую-то нелепицу. Он зачаровал меня своим гипнотическим голосом. Я поддалась, Ваше Величество, ведь он подарил мне то, чего Вы никогда не давали. Вы часами просиживали со своими новыми любимчиками, – пустой взгляд женщины неожиданно злобно впился в Фолди, – поверяли им такие тайны, о которых я и не слышала никогда... а меня бросали в угол, точно надоевшую игрушку... до востребования. Ведь я всегда была рядом и приходила к Вам на помощь, но почему-то Вы вспоминали об этом лишь тогда, когда Ваши новые фавориты Вас предавали.

Теперь дрожала уже и Влеона; её глаза расширились. Казалось, каждое горькое слово фрейлины жалит её. Подбородок Королевы затрясся, и она, не владея собой, склонила голову

на грудь. Странное это было зрелище, – думал Фолди, глядя на них. Повелительница, сгибающаяся перед служанкой. Опекаемая, бросающая яд в глаза своей опекунке. И тем не менее Феллиния упорно продолжала говорить, хотя видно было, что каждое произносимое слово стоит ей невероятных трудов и усилий.

– Он говорил... что я перестану чувствовать себя такой никчёмной. Никому не нужной.

– Что Вы говорите? – всхлинула Влеона, встряхнув Феллинию за плечи. – Из всех своих многочисленных подданных именно на Вас я всегда возлагала наибольшие надежды! Почему же Вы не попросили... *почему?*

Фолди вздрогнул, как будто на него вылилось ведро холодной воды. Так, значит, не он, посвятивший усердной службе процветанию Империи лучшие годы своей жизни, заслуживал высшей степени доверия Королевы, а вот эта немолодая женщина, за всю свою жизнь не сделавшая ничего полезного, умевшая только кружиться в вальсах по паркету да развлекать свою всемогущую госпожу?!

– Я не попросила потому... что была уверена в Вашем несогласии, – вздохнула Феллиния. – И я боялась. Я не хотела умирать.

– Но Вы... – Королева замотала головой, будто упрямый маленький ребёнок. – Разве Вы не понимаете, как Вы мне дороги? Все эти люди, – она сделала широкий жест в сторону судей, подавшихся вперёд, как один, – они, безусловно, ревностно выполняют свои обязанности, но... Но у меня не дрожит сердце, когда я о них думаю, потому что для меня они – подчинённые. Они никогда не понимали меня и даже не делали к этому попыток. А Вы... – плача, она взяла Феллинию за руку и подняла к своим глазам, – Вы были не такой. С самого начала. Вы читали в моей душе, как в открытой книге. Я знала, что на Вас я могу положиться. Понимаете? Вы очень много для меня значили, и поэтому только с Вами были связаны мои лучшие надежды. Потерять Вас... это ужасно...

Феллиния несмело протянула другую, свободную, ладонь к завитым тёмным локонам Влеоны. Коснувшись их, она горько усмехнулась:

– Дорогая! Вы всё такая же, как и тридцать лет назад, когда мы с Вами впервые встретились при дворе. Вы вечно юная, свежая, в Вас столько энергии... Вы не чувствуете времени. А я... – она с презрением взглядела в свои ладони, уже покрывшиеся уродливыми морщинами, и вздутые голубые вены, ясно обозначившиеся под пергаментной кожей, – я безнадежно старею. Вот ещё одна причина, по которой я поддалась так легко. Зависть, Влеона. Я никогда не сумела бы подняться до Вашего уровня. Даже сейчас, когда Вы стоите почти вплотную ко мне, Вы кажетесь мне богиней. Вы возвышаетесь слишком далеко, как статуя, на которую можно только молиться, но коснуться – нельзя.

Слезы, дрогнув, сползли вниз по щекам Королевы.

– Какая же Вы идиотка, Феллиния! – шепнула она, распростирая руки. – Обнимите меня... как будто ничего не было!

– Ваше Величество! – крик Кларка прозвучал точно громовой раскат под высокими изогнутыми сводами.

Но было чересчур поздно: взмахнув руками, как крыльями, гигантская ярко-алая птица склонилась к фигурке Феллинии. Красные и белые рукава сплелись друг с другом. Хлопающий звук прокатился от стены к стене. Влеона обнимала старинную подругу так крепко, точно боялась потерять её, и, зарывшись носом в её объёмный воротник, рыдала детскими слезами. Рыдала и Феллиния, цепляясь за вышивку на плаще Королевы.

– Прости... прости... – шептали они друг другу.

– Я не должна это делать... – пролепетала Влеона.

– Я поступила, как озлобленное животное, – каялась Феллиния.

Никто не успел заметить, как это произошло. Руки Королевы неожиданно налились силой, и левый тяжёлый рукав её роскошного платья взвился в воздух. Зал сотряс глухой удар.

Фолди смотрел полными неверия глазами, как недавно судорожно сведённые пальцы Феллинии неожиданно расслабляются и выпускают плащ Королевы. Вся душа у него словно заледенела. Министры и даже Кларк оказались беспомощными зрителями в этой зловещей драме. Его Величество, захлёбываясь словами, приподнялся было на троне.

– Жена моя! – грозно рыкнул он. – Как... как это понимать?

Влеона повернулась к мужу и судьям лицом. Сейчас она напоминала хищника, ожидающего ничтожного повода дать себя спровоцировать. Её суженные глаза с неестественно расширившимися тёмными зрачками гневно осматривали присутствующих. Она прижимала к себе мёртвое тело Феллинии так крепко, как могла бы это делать мать с долгожданным первенцем. Из спины первой фрейлины торчала инкрустированная самоцветами и усыпанная золотом рукоятка изогнутого кинжала. Кровь уже не текла: смертоносный удар был решительным и быстрым. Фолди не мог в это поверить. Ему казалось, твёрдая земля неожиданно расползается у него под ногами, обнажая бездонную пропасть.

*«Её Величество... она **убила** первую фрейлину?!»*

Он до последнего момента желал бы поверить, что всё это – не более, чем искусно разыгранная комедия. Но всё это было реально! Всё это происходило на самом деле! Только... *зачем?*

Ему казалось удивительным, что на разгладившемся лице Феллинии не застыла маска предсмертного ужаса, что ни одно подозрение не промелькнуло в её голове в последние секунды жизни. Глядя на эту полную блаженного спокойствия улыбку, он неожиданно понял: *она знала... Магия Великая, она же прекрасно знала! Но, тем не менее, не страшась скорой смерти, она ступила в губительные объятия Королевы. Неужели она думала, что не сумеет оправдаться перед судом? Или, даже представляя себе такую возможность, не пожелала доживать последние дни в тесной сырой камерке в забытой в глуши тюрьме для особо опасных преступников?*

Нет... вовсе не в этом крылась причина её сумасбродного поступка. Феллиния чувствовала груз своей вины. И она не пожелала нести его дальше. Просыпаясь, видеть на потолке растворяющееся лицо бывшей подруги, полное бесконечной грусти и молчаливого укора.

Развернувшись к мужу всем корпусом, Влеона резким движением выдернула кинжал из раны в спине Феллинии. Её помрачневшее лицо выглядело ужасающе спокойным, но почерневшие глаза, затенённые густыми ресницами, метали уничтожающие молнии.

– Что Вы спросили, мой супруг? – невозмутимо осведомилась она.

По виду Кларка, по его опущенным массивным плечам ясно было, что он шокирован. Впрочем, как и все прочие министры, собравшиеся в запертом тронном зале. Место судилища превратилось в место казни.

– Зачем? – хрипло выдавил Король, глядя на жену так, как будто та обратилась в чудовище у него на глазах. – Зачем Вы это сделали?

– Вы всё равно казнили бы её, – дрожащим голосом отвечала Влеона. Бросив на седеющую макушку первой фрейлины полный сестринской нежности взгляд, она ещё крепче прижала тело к себе. – Или заставили бы её терпеть ужасные унижения. Она не заслужила такого. Невзирая на своё предательство, она осталась для меня самым надёжным человеком в этом мире. Мы читали мысли друг у друга по глазам. Поверьте, она знала, на что решается. Я не отдала бы её вам – вы все палачи, а я избавительница. – Тяжело вздохнув, она обняла Феллинию, точно опасалась, что ту могут у неё отнять. – И теперь я могу быть спокойна за её судьбу. Никто из вас не осмелится больше её обидеть. Я приказываю, – её голос вдруг зазвенел так громко и решительно, что все собравшиеся вздрогнули, – чтобы вы похоронили эту женщину с королевским достоинством. Её прах упокоится в фамильном склепе Вампьерде, подле того места, где в своё время надлежит заснуть вечным сном и мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.